Z 30/85
-1-
НЕ КОПИРОВАТЬ

18/XII-89. 42 наим. 08

18/2-88 42 наим 33

нет 25-вкл. 23/1-95

23/1-95 41 наим.

НЕ КОПИРОВАТЬ

43772

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ

295-6-8
182
Z 30/85 (42 накл.)
15772

Исторія русской одежды

Выпускъ

I.

15772

Z 30/85

НАЧАТО СЪ СОИЗВОЛЕНІЯ
И ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
АВГУСТѢЙШАГО ПРЕЗИДЕНТА ИМПЕРАТОР-
СКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ

П. К. СТЕПАНОВА.

При просвѣщенномъ содѣйствіи:
Н. И. Веселовскаго, С. В. Веселовскаго,
В. К. Масоѣдова, А. Б. Орѣшникова,
С. Ѳ. Платонова, Н. В. Покровскаго,
М. И. Ростовцева, Н. П. Сычева,
В. К. Трутовскаго,
Б. В. Фармаковскаго,
И. А. Шляпкина.

Редакторъ-руководитель изданія
Н. Н. СЕРГѢЕВСКІЙ.

Петроградъ.

2007057999

Государственная библиотека имени В. И. Ленина

901690-89

42 книги
20/I-56 809

182
27
вкл.
1

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА С.С.С.Р

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

АВГУСТѢЙШАГО ПОКРОВИТЕЛЯ ИСКУССТВЪ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ.

ВВЕДЕНІЕ.

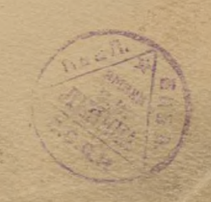
Древнѣйшіе памятники человѣчества, исторія и свѣдѣнія о современныхъ намъ дикихъ племенахъ, обитателяхъ странъ съ различными климатическими условіями, позволяющія судить о первобытномъ состояніи человѣка,—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что забота о внѣшнемъ украшеніи издревле составляла существенную черту жизни человѣка.

При несложныхъ началахъ первобытной жизни, когда земля, съ ея естественной культурой, не имѣла цѣнности и, подобно воздуху, являлась общимъ достояніемъ,—все богатство человѣка выражалось въ личномъ убранствѣ и оружіи. По мѣрѣ восхожденія человѣка на новыя ступени культуры, подымались и его эстетическія потребности, находя выраженіе въ новыхъ формахъ украшенія. Благосостояніе выражалось въ богатствѣ наряда; власть имѣвшіе отмѣчали ее отличительными знаками, только ей присущими; воинъ заботился о приданіи себѣ устрашающей внѣшности; охотникъ стремился слить свою одежду съ окружающей его природой; печаль и радость находили выраженіе въ томъ или иномъ своеобразномъ убранствѣ. Одежда, такимъ образомъ, служила показателемъ общественнаго положенія, богатства, душевнаго состоянія и другихъ жизненныхъ проявленій, а формы, въ которыя эти проявленія облекались, являлись выразителемъ эстетическихъ стремленій, позволяющихъ судить и объ экономическомъ, и о культурномъ развитіи народа. Поэтому знаніе одежды, свойственной данной эпохѣ и данному народу, имѣетъ неоспоримое значеніе для искусства и для исторіи. Уже въ Средніе Вѣка изученіе одежды послужило на Западѣ предметомъ изысканій ряда ученыхъ, художниковъ, монаховъ, а въ серединѣ XVI в. Герберштейнъ, пріѣзжавшій посломъ германскаго императора въ Россію, далъ Западной Европѣ первыя дошедшія до насъ свѣдѣнія *) о современныхъ ему русскихъ одеждахъ. Въ концѣ того же вѣка, венеціанскій художникъ Cesare Vecellio, родственникъ знаменитаго Тиціана Вечелліо, далъ въ трудѣ „Storia degli abiti antichi e moderni" рядъ интересныхъ изображеній русскихъ одеждъ, если и не имѣвшихъ абсолютнаго историческаго значенія, то, во всякомъ случаѣ, представляющихъ интересъ по тому вниманію, которое Западъ удѣлялъ уже въ тѣ времена ознакомленію съ нашей внѣшней жизнью.

Вниманіе это не ослабѣло и въ XVII в. Болѣе полныя свѣдѣнія и рисунки дали: Олеарій, издавшій въ 1647 г. описаніе своего путешествія черезъ Москву въ Персію **), настолько заинтересовавшее Западъ, что оно было переведено на французскій языкъ въ Парижѣ Wicquefort'омъ въ 1656-66 гг., и Мейербергъ, бывшій посланникомъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича (1662-63 г.), пополнившій многіе пробѣлы Олеарія изобиліемъ рисунковъ, изображающихъ русскія одежды и обычаи. Дальнѣйшую иллю-

*) «Rerum Moscovitarum commentarii». Вѣна. 1549. Лучш. русск. изд. Суворина. Петроградъ. 1908. Пер. Малеина. Записки о Московіи.

**) «Adam Olearii, Ausfürliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Moscow und Persien». Лучш. русск. изд. Суворина, подъ заглавіемъ: „Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно". Пер. Ловягина. Петроградъ. 1906 г.



страцію на Западѣ русская жизнь нашла себѣ въ произведеніяхъ художниковъ XVIII в., посѣщавшихъ Россію *).

Если въ позднѣйшее время въ Россіи вопросу объ исторіи національной одежды было удѣлено такъ мало вниманія, не слѣдуетъ удивляться тому, что въ XVII в., когда Западъ имѣлъ труды, опредѣляющіе культурную самобытность народа, мы не проявили интереса къ исторіи своей внѣшней жизни. Поставленный въ болѣе счастливыя климатическія и культурныя условія, руководимый геніемъ своихъ художниковъ, Западъ давалъ жизнь чередовавшимся съ невѣроятной быстротой новымъ формамъ, которыя представляли обильный матеріалъ пытливому наблюдателю на протяженіи его вѣка развертывая передъ нимъ обширную картину исторической эволюціи одежды. Наша жизнь, протекавшая въ иныхъ условіяхъ, въ основу которыхъ легли: благоговѣйное почитаніе обычаевъ предковъ, неразрывная духовная связь съ прошлымъ и ревнивое обереганіе отъ чуждаго вліянія Запада глубоко воспринятой вмѣстѣ съ христіанствомъ византійской культуры, — вылилась въ постоянныя формы, остававшіяся слабо измѣненными на протяженіи вѣковъ и поэтому мало поддающіяся учету. Преобразованія конца XVII в., коснувшіяся и одежды, отторгнувшія столь круто нашу жизнь отъ прежняго уклада, и усилія, приложенныя къ тому, чтобы забыть обычаи прошлаго, естественно совершенно обезсилили въ тѣ времена наше внѣшнее національное самопознаніе.

Вопросъ объ исторіи русской одежды впервые былъ поднятъ въ началѣ XIX в. президентомъ Академіи Художествъ А. Н. Олениным, предпринявшимъ въ этой области нѣкоторыя изысканія. Практическаго значенія, однако, эти изысканія не имѣли, отчасти вслѣдствіе недостатка въ историческомъ матеріалѣ, которымъ въ полной мѣрѣ обладаетъ лишь современная археологія, освободившая его изъ подъ вѣковыхъ наслоеній земли или наслоеній невѣжественныхъ реставрацій.

Большая заслуга въ дѣлѣ изученія нашей одежды принадлежитъ В. А. Прохорову, который наиболѣе полно собралъ въ одно цѣлое и издалъ въ началѣ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія „Матеріалы по одеждѣ и обстановкѣ жизни народной", посвятивъ этому труду нѣсколько десятковъ лѣтъ; къ сожалѣнію, смерть прервала его изысканія. Однако, этотъ цѣнный трудъ В. А. Прохорова не является нынѣ исчерпывающимъ исторію нашей одежды, и многіе памятники, богато запечатлѣвшіе проявленія нашей древней культуры, продолжаютъ оставаться молчаливыми ея свидѣтелями.

Къ сожалѣнію, изученіе нашихъ древнихъ памятниковъ, въ которыхъ таятся основы, позволяющія судить объ исторіи нашей одежды, затрудняется ихъ печальнымъ состояніемъ: памятники эти пострадали не столько отъ времени, сколько отъ безжалостныхъ человѣческихъ рукъ и небрежности, лишившей нашу исторію искусства многихъ жемчужинъ. О дѣйствительной красотѣ колорита большинства фресокъ, неоднократно „*подновлявшихся*", мы, по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ фрагментамъ, можемъ лишь догадываться; достовѣрными въ большей или меньшей мѣрѣ можно считать лишь контуры, которые обыкновенно процарапывались остріемъ въ свѣжей штукатуркѣ; о другихъ же, нынѣ погибшихъ или счищенныхъ фрескахъ мы можемъ имѣть представленіе лишь по прорисямъ, если таковыя оказались, по счастью, снятыми ранѣе. Въ нѣсколько лучшемъ состояніи, за немногими исключеніями, дошли до насъ иконы. Болѣе пострадавшими отъ времени оказались нѣкоторыя миніатюры, благодаря легко отдѣляющимся отъ упругой поверхности пергамента краскамъ. Части, добытыя раскопками, не всегда могутъ быть возстановлены, но онѣ цѣнны тѣмъ, что если не самостоятельно, то по сопоставленіи съ имѣющимися другими данными, онѣ могутъ служить для опредѣленія типа одеждъ.

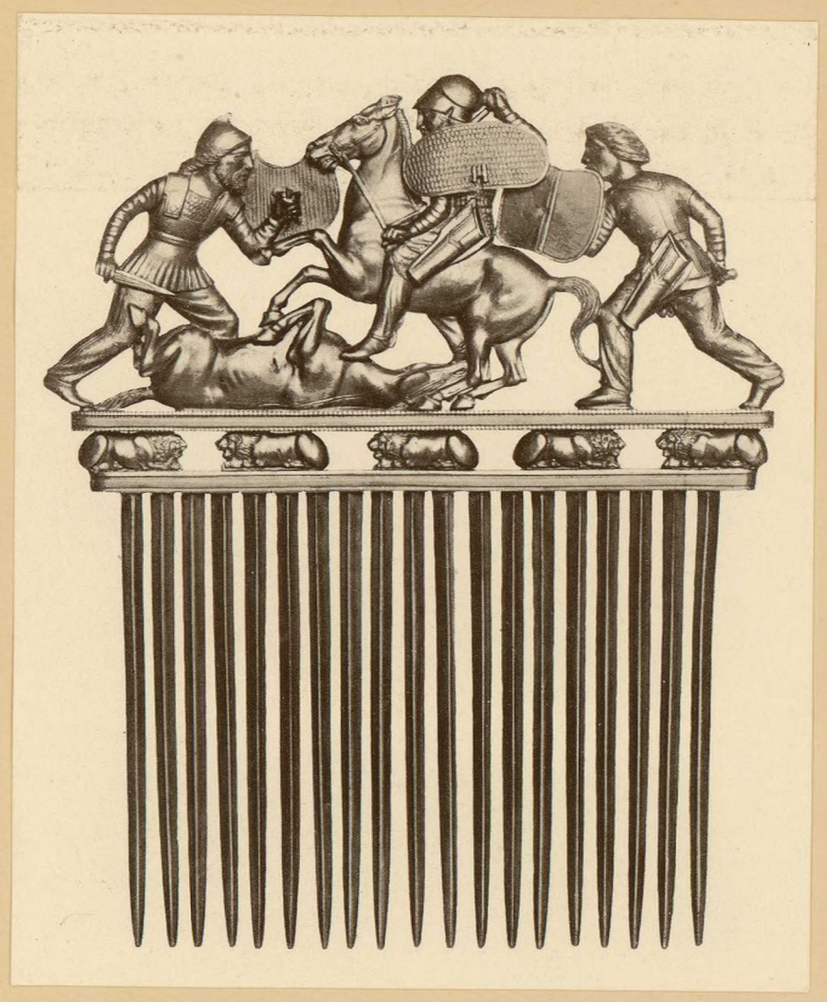
---

*) Le Prince 1733—1781; Nordblin de la Gourdaine 1745—1830; Geissler—1770; Atkinson и др.

Такимъ образомъ, состояніе многихъ нашихъ памятниковъ не позволяетъ намъ пользоваться ими для намѣченной цѣли непосредственно въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, а требуетъ болѣе глубокаго освѣщенія, *опредѣленнаго выраженія ихъ*, заставляя отказываться отъ всего сомнительнаго и пользоваться лишь строго провѣренными данными. Въ этихъ цѣляхъ является необходимымъ возстановлять недостающія, но сохранившія слѣды первоначальнаго существованія части, съ трудомъ подмѣчаемыя неопытнымъ глазомъ, воспроизводить, для большей наглядности, окрашенными прорисями скульптурныя, рѣзныя, давленыя или иныя изображенія, часто, вслѣдствіе примитивной ихъ обработки и вывѣтренной или стертой поверхности, сливающія отдѣльныя части представленныхъ на нихъ одеждъ.

Но если путемъ кропотливаго изученія нашей исторической одежды мы все же можемъ опредѣленно судить о ней по дошедшимъ до насъ памятникамъ: фрескамъ, иконамъ, миніатюрамъ и т. д., то вопросъ о возникновеніи одежды доисторической Руси, въ которой должны лежать основы послѣдующихъ формъ, представляется болѣе сложнымъ. Многовѣковой путь отдѣляетъ насъ отъ доисторическихъ временъ, много народовъ, разселяясь изъ своей общей прародины, приносили съ собой вѣру, законъ, особый соціальный строй, одинъ народъ смѣнялся другимъ, болѣе сильнымъ, но каждый прибой человѣческой волны приносилъ въ общую сокровищницу нашей земли новый даръ. Если по общей совокупности всѣхъ этихъ вкладовъ мы лишены возможности возсоздать полную картину доисторическихъ временъ, то для нашей задачи весьма цѣнно уже и то, что мы можемъ отыскать въ нихъ первые основные и характерные элементы нашей одежды, украшеній, слѣды нашего быта. И какими далекими ни казались бы намъ древніе обитатели нашей земли: Скиѳы, Сарматы и другія народности, какъ бы ни были спорны гипотезы объ отношеніи къ нимъ позднѣйшихъ племенъ— Славянъ, въ вопросѣ, разсматриваемомъ настоящимъ трудомъ, существеннымъ представляется взглядъ: *какую культуру дали намъ древніе обитатели нашей страны*, имѣвшіе по отношенію къ землѣ много общихъ условій съ болѣе поздними поколѣніями, и *какое отношеніе мы, современные обитатели, имѣемъ къ этой культурѣ*.

Золотой браслетъ изъ Куль-Обскаго кургана (Имп. Эрм.).



9

Золотая обивка съ налучья кургана Солоха, по реставраціи художника М. В. Фармаковскаго (Императорскій Эрмитажъ).

3 1.

ОДЕЖДЫ СКИѲО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ.

Разселеніе и описаніе племенъ Геродотовой Скиѳіи.—Исторія скиѳской одежды.—Характеръ одежды (ткани, украшенія одежды).—Мужская одежда, вооруженіе, украшенія.—Разборъ матеріаловъ, опредѣляющихъ женскую одежду.—Женскій нарядъ и его украшенія.—Объ условномъ изображеніи греческими художниками варварскихъ нарядовъ.

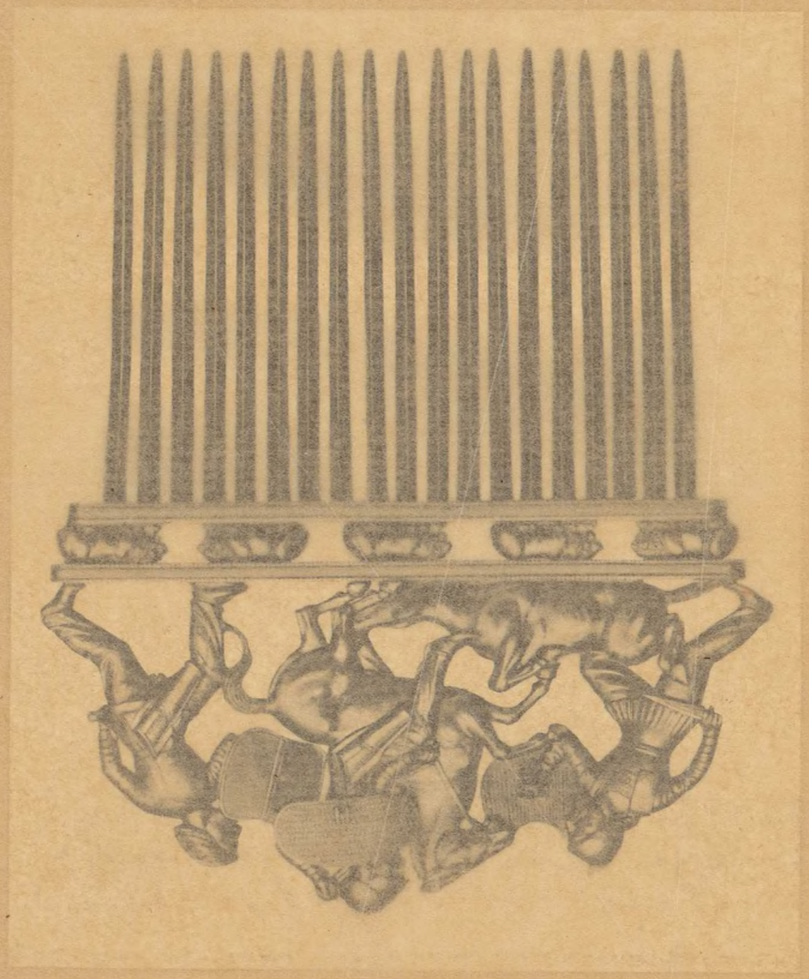
Разселеніе и описаніе племенъ Геродотовой Скиѳіи.

Народъ, населявшій въ древности пространства, прилегающія къ Черному морю, назывался, по наименованію Грековъ, Скиѳами, сами же Скиѳы называли себя Сколотами. Время заселенія Скиѳами южной части нашей страны—неизвѣстно. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей, начиная съ VII вѣка до Р. Х.,—Аристея, Гекатея, а наиболѣе полныя свѣдѣнія черпаемъ въ исторіи Геродота.

Геродотова Скиѳія простиралась отъ устьевъ Дуная (Истръ) по сѣверному берегу Чернаго моря (Понтъ Евксинскій) до устьевъ Дона (Танаисъ). Горный Крымъ занимало племя Тавровъ. На западѣ, на истокахъ рѣкъ Тиссы и Моравы, селились Агаѳирсы; выше ихъ, на истокахъ Днѣстра (Тирасъ),—Невры. На сѣверъ отъ нихъ жили Андрофаги—людоѣды; на востокъ отъ нихъ, сѣвернѣе расположенія нынѣшнихъ городовъ Чернигова и Воронежа,—Меланхлэны («черныя одежды»); еще восточнѣе, между Дономъ и Волгой,—Будины. Остальное пространство, между Дономъ и Волгой къ югу, заселяли Савроматы.

По свидѣтельству Геродота, Тавры отличались дикими, жестокими нравами, жили грабежомъ и войной. Агаѳирсы были весьма изнѣжены и очень любили носить золотыя украшенія. У Невровъ обычаи были скиѳскіе; за одно поколѣніе до похода Дарія они покинули свою страну и поселились вмѣстѣ съ Будинами. Изъ всѣхъ племенъ Андрофаги отличались наиболѣе дикими нравами и только они одни были людоѣдами; будучи племенемъ не скиѳскимъ, они имѣли особый языкъ, но одежду носили похожую на скиѳскую. Меланхлэны отличались черными одеждами, отъ которыхъ произошло ихъ названіе, образъ жизни былъ у нихъ скиѳскій. Будины составляли многочисленное племя, были всѣ «голубоглазы и рыжеволосы». Вся страна ихъ была покрыта разнородными лѣсами, среди которыхъ было большое и многоводное озеро, окруженное трясиной и тростникомъ. Въ немъ ловились выдры, бобры и другіе звѣри съ «четыреугольными мордами», мѣха которыхъ употреблялись на опушку кафтановъ. Будины были исконные обитатели

8



Золотая обивка съ налучья кургана Солоха, по реставраціи художника М. В. Фармаковскаго (Императорскій Эрмитажъ).

3

I.

ОДЕЖДЫ СКИѲО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ.

Разселеніе и описаніе племенъ Геродотовой Скиѳіи.—Исторія скиѳской одежды.—Характеръ одежды (ткани, украшенія одежды).—Мужская одежда, вооруженіе, украшенія.—Разборъ матеріаловъ, опредѣляющихъ женскую одежду.—Женскій нарядъ и его украшенія.—Объ условномъ изображеніи греческими художниками варварскихъ нарядовъ.

Разселеніе и описаніе племенъ Геродотовой Скиѳіи.

Народъ, населявшій въ древности пространства, прилегающія къ Черному морю, назывался, по наименованію Грековъ, Скиѳами, сами же Скиѳы называли себя Сколотами. Время заселенія Скиѳами южной части нашей страны — неизвѣстно. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей, начиная съ VII вѣка до Р. Х., — Аристея, Гекатея, а наиболѣе полныя свѣдѣнія черпаемъ въ исторіи Геродота.

Геродотова Скиѳія простиралась отъ устьевъ Дуная (Истръ) по сѣверному берегу Чернаго моря (Понтъ Евксинскій) до устьевъ Дона (Танаисъ). Горный Крымъ занимало племя Тавровъ. На западѣ, на истокахъ рѣкъ Тиссы и Моравы, селились Агаѳирсы; выше ихъ, на истокахъ Днѣстра (Тирасъ),—Невры. На сѣверъ отъ нихъ жили Андрофаги—людоѣды; на востокъ отъ нихъ, сѣвернѣе расположенія нынѣшнихъ городовъ Чернигова и Воронежа,—Меланхлэны («черныя одежды»); еще восточнѣе, между Дономъ и Волгой,—Будины. Остальное пространство, между Дономъ и Волгой къ югу, заселяли Савроматы.

По свидѣтельству Геродота, Тавры отличались дикими, жестокими нравами, жили грабежомъ и войной. Агаѳирсы были весьма изнѣжены и очень любили носить золотыя украшенія. У Невровъ обычаи были скиѳскіе; за одно поколѣніе до похода Дарія они покинули свою страну и поселились вмѣстѣ съ Будинами. Изъ всѣхъ племенъ Андрофаги отличались наиболѣе дикими нравами и только они одни были людоѣдами; будучи племенемъ не скиѳскимъ, они имѣли особый языкъ, но одежду носили похожую на скиѳскую. Меланхлэны отличались черными одеждами, отъ которыхъ произошло ихъ названіе, образъ жизни былъ у нихъ скиѳскій. Будины составляли многочисленное племя, были всѣ «голубоглазы и рыжеволосы». Вся страна ихъ была покрыта разнородными лѣсами, среди которыхъ было большое и многоводное озеро, окруженное трясиной и тростникомъ. Въ немъ ловились выдры, бобры и другіе звѣри съ «четыреугольными мордами», мѣха которыхъ употреблялись на опушку кафтановъ. Будины были исконные обитатели

этой страны и вели кочевой образъ жизни. Сѣверную часть ихъ земли занимали Геллоны, которые, въ противоположность Будинамъ, занимались земледѣліемъ, имѣли сады и деревянныя жилища. Геллоны по происхожденію были Эллины, выселившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся въ землѣ Будиновъ; говорили они то по скиѳски, то по эллински и нисколько не были похожи на Будиновъ ни сложеніемъ, ни цвѣтомъ кожи. Къ югу отъ Будиновъ пространство по ту сторону Дона занимали Сарматы.

Легенды, которыя относятъ происхожденіе Савроматовъ отъ сказочныхъ Амазонокъ и Скиѳовъ, тѣмъ самымъ лишаютъ насъ положительныхъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ происхожденіи Савроматовъ, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Страбонъ, на долю «сказанія объ Амазонкахъ выпала какая-то особенная судьба. Въ остальныхъ сказаніяхъ баснословное и историческое разграничены: сказанія древнія, невѣрныя и чудесныя называются баснями, исторія же имѣетъ истины, будь это древнее или новое событіе, и чудеснаго или вовсе не допускаетъ, или лишь изрѣдка. Объ Амазонкахъ же и прежде, и теперь существуютъ одни и тѣ же сказанія, полныя чудесъ и далекія отъ вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ повѣрить, что когда-нибудь составилось войско, городъ или народъ изъ однѣхъ женщинъ безъ мужчинъ; и не только составилось, но и совершало походы на чужбину и покоряло не только ближнія земли, дойдя даже до нынѣшней Іоніи, но предпринимало и заморскій походъ до Аттики. Вѣдь это все равно, какъ если-бы кто-нибудь сталъ говорить, что тогдашніе мужчины были женщинами, а женщины—мужчинами. А между тѣмъ и теперь о нихъ разсказывается то же самое, и своеобразность сказаній увеличивается тѣмъ, что древнимъ вѣрятъ больше, чѣмъ нынѣшнимъ» (Страбонъ, Lib. XI. V, 3).

Геродотъ и Гиппократъ повѣствуютъ, что сарматскія женщины дѣлили со своими мужьями военные труды и охоту, были искусными наѣздницами и носили, сообразно съ этими занятіями, мужскую одежду. Онѣ одинаково съ мужчинами искусно владѣли мечомъ, метали дротикомъ, для чего въ дѣтствѣ имъ выжигали правую грудь, чтобы она теряла способность расти, и «вся сила и изобиліе соковъ переходили въ плечо и правую руку». Ни одна сарматская дѣвушка не выходила замужъ, не убивъ хотя бы одного врага на войнѣ.

Подтвердить эти разсказы положительными данными мы лишены возможности, но весьма вѣроятно, что равноправіе въ раздѣленіи военныхъ трудовъ между женщинами и мужчинами, существовавшее у нѣкоторыхъ сарматскихъ племенъ, послужило причиной къ отнесенію миѳа объ Амазонкахъ на сѣверное побережье Азовскаго моря.

Говорили Сарматы на скиѳскомъ языкѣ, но издревле искаженномъ (Геродотъ), почему можно предполагать, что Сарматы этнически мало разнились отъ Скиѳовъ, и врядъ ли племя это являлось тогда совершенно обособленнымъ, среди столькихъ родственныхъ между собой племенъ отъ береговъ Сыръ-Дарьи до береговъ Дуная. Во II в. до Р. Х. Сарматы становятся господствующимъ племенемъ. Дошедшія до насъ по раскопкамъ произведенія ихъ культуры настолько совпадаютъ съ отличительными чертами скиѳскаго искусства, что сливаются въ одно цѣлое и составляютъ эпоху, называемую Скиѳо-Сарматской.

Населеніе древней Скиѳіи.

17

О населеніи самой Скиѳіи Геродотъ повѣствуетъ слѣдующее: *).

«Начиная отъ торжища Борисѳенитовъ (это самый срединный изъ приморскихъ пунктовъ всей Скиѳіи), первыми живутъ Каллипиды, являющіеся Эллинами-Скиѳами, а выше ихъ—другое племя, которое именуется Алазонами. Эти послѣдніе, какъ и Каллипиды, въ прочихъ отношеніяхъ живутъ одинаково со Скиѳами, но сѣютъ и употребляютъ въ пищу хлѣбъ, а также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ

*) IV. Гл. 16—27. В. В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ.

живутъ Скиѳы-пахари, которые сѣютъ хлѣбъ не для собственнаго употребленія въ пищу, а на продажу. Выше ихъ живутъ Невры, а страна, лежащая къ сѣверу отъ Невровъ, насколько мы знаемъ, не заселена людьми.

18 «Эти племена живутъ по рѣкѣ Ипаниду (Бугъ) къ западу отъ Борисѳена (Днѣпръ); а если переправиться черезъ Борисѳенъ со стороны моря, то, во-первыхъ, будетъ Полѣсье, а отъ него вверхъ живутъ Скиѳы-земледѣльцы, которыхъ Эллины, живущіе на рѣкѣ Ипанидѣ, называютъ Борисѳенитами, а самихъ себя эти Эллины зовутъ Олвіополитами. Эти Скиѳы-земледѣльцы къ востоку занимаютъ пространство на три дня пути вплоть до рѣки, носящей названіе Пантикапа (Конка, Конская), а къ сѣверу—пространство 11-ти дней плаванія вверхъ по Борисѳену. Надъ ними на обширное пространство раскинулась пустыня; за пустынею живутъ Андрофаги (людоѣды), особое племя, вовсе не скиѳское. Выше ихъ лежитъ настоящая пустыня и тамъ не живетъ, насколько намъ извѣстно, ни одинъ народъ.

19 «Къ востоку отъ этихъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, за рѣкой Пантикапомъ, обитаютъ уже Скиѳы-кочевники, ничего не сѣющіе и не пашущіе; вся эта страна лишена деревьевъ, за исключеніемъ Полѣсья. Эти кочевники къ востоку занимаютъ область на 14 дней пути, простирающуюся до рѣки Герра (Донецъ?).

20 «По ту сторону Герра находятся такъ называемыя царскія владѣнія и живутъ самые лучшіе и многочисленные Скиѳы, считающіе прочихъ Скиѳовъ своими рабами. Занимаемая ими мѣстность простирается къ югу до Таврики, а къ востоку—до рва, который выкопали потомки слѣпыхъ, и до торжища при Мэотійскомъ озерѣ (Азовское море), называемаго Кримнами; частью же ихъ владѣнія простираются до рѣки Танаида (Донъ). Мѣстности, лежащія къ сѣверу отъ царскихъ Скиѳовъ, занимаютъ Меланхлэны («черноризцы»), особое, не скиѳское племя. Выше Меланхлэновъ, насколько намъ извѣстно, лежатъ озера и безлюдная пустыня.

21 «За рѣкою Танаидомъ—уже не скиѳская земля; первый изъ зарѣчныхъ участковъ земли принадлежитъ Савроматамъ, которые, начиная отъ угла Мэотійскаго озера, занимаютъ пространство на 15 дней пути къ сѣверу; во всей этой землѣ нѣтъ ни дикихъ, ни садовыхъ деревьевъ. Выше Савроматовъ, на второмъ участкѣ, живутъ Будины, занимающіе мѣстность, сплошь покрытую разнороднымъ лѣсомъ.

22 «Выше Будиновъ, къ сѣверу, сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, болѣе въ направленіи къ востоку, живутъ Ѳиссагеты, племя многолюдное и особое; живутъ они охотою. Рядомъ съ ними въ той же мѣстности живетъ народъ, называемый Іирками; они также промышляютъ охотою слѣдующимъ образомъ: охотникъ, взобравшись на дерево, которыми густо покрыта эта страна, подстерегаетъ звѣря; у каждаго наготовѣ лошадь, пріученная ложиться на брюхо, чтобы казаться ниже, и собака. Когда охотникъ съ дерева завидитъ звѣря, онъ стрѣляетъ изъ лука, потомъ садится на коня и пускается въ погоню, причемъ не отстаетъ и собака. Выше Іирковъ, по направленію къ востоку, живутъ другіе Скиѳы, отдѣлившіеся отъ царскихъ и прибывшіе въ эту землю.

23 «Вся описанная мною страна до области этихъ Скиѳовъ представляетъ собою равнину съ глубокой почвой, а начиная отсюда земля становится камениста и неровна. Когда пройдешь значительное пространство этой неровной страны, у подножья высокихъ горъ обитаютъ люди, которые, какъ говорятъ, всѣ плѣшивы отъ рожденія, какъ мужчины, такъ и женщины, курносы и съ большими подбородками; они говорятъ на особомъ языкѣ, одѣваются по скиѳски, а питаются древесными плодами. Дерево, плодами котораго они питаются, называется понтикомъ и по величинѣ болѣе всего подходитъ къ смоковницѣ; оно приноситъ плодъ, похожій на бобъ, съ косточкой внутри; когда онъ созрѣетъ, его выжимаютъ сквозь ткань, причемъ изъ него вытекаетъ густой черный сокъ; названіе вытекающаго сока—асхи; его лижутъ или пьютъ, смѣшавъ съ

молокомъ, а изъ оставшейся гущи дѣлаютъ лепешки и ѣдятъ ихъ. Скота у нихъ немного, потому что пастбища у нихъ небогатыя. Каждый изъ жителей селится подъ деревомъ, которое на зиму окружаетъ плотнымъ бѣлымъ войлокомъ, а лѣтомъ оставляетъ безъ войлока. Ихъ не обижаетъ никто изъ людей, такъ какъ они считаются священными; у нихъ даже нѣтъ никакого оружія. Они разбираютъ споры, возникающіе между ихъ сосѣдями, а когда какой-нибудь изгнанникъ прибѣгаетъ подъ ихъ защиту, то его уже никто не трогаетъ. Называется этотъ народъ Аргиппэями».

Говоря о населеніи Скиѳіи, Геродотъ даетъ широкую описательную картину, цѣнную въ томъ отношеніи, что она служитъ доказательствомъ существованія жизни въ тѣ отдаленныя времена, на столь обширномъ пространствѣ, многихъ племенъ, объединенныхъ между собой общими чертами быта и общимъ языкомъ, что послужило поводомъ послѣдующимъ писателямъ называть всѣ эти племена собирательнымъ именемъ Скиѳовъ, а занимаемую ими землю—Скиѳіей.

История скиѳскаго наряда.

Перечисляя племена не скиѳскаго происхожденія, Геродотъ упоминаетъ, что одежда была у нихъ скиѳская. Это указываетъ на однородность одежды всѣхъ жившихъ въ упомянутыхъ предѣлахъ племенъ и на то, что основы этой однородности надо искать въ болѣе древнемъ и общемъ ея возникновеніи.

Въ Накшъ-и-Рустемской и Суэцкой (іероглифической) надписяхъ Дарій приводитъ названія милостью Ормузда подчиненныхъ ему странъ: «Кромѣ Персіи приносятъ онѣ мнѣ (Дарію) дань. Что я имъ говорю, то онѣ исполняютъ. Мой законъ для нихъ руководство; это: Мидія, Сузіана, Парѳія, Арія, Бактрія, Согдіана, Хорасмія, Драгіана, Арахозія, Саттагида, Гандара, Индія, Хумаваркскіе Скиѳы, Скиѳы съ остроконечными шапками, Вавилонъ, Ассирія, Аравія, Египетъ, Арменія, Каппадокія, Сарды, Іонія, Скиѳы по ту сторону моря, Сукудра, Іоняне съ курчавыми волосами, Путъ, Кушъ, Максіи, Карка» *).

Представителей этихъ странъ мы видимъ изображенными въ видѣ трононосителей на гробницѣ Дарія въ вышеупомянутомъ порядкѣ странъ, считая первымъ перса, который, какъ таковой, не внесенъ въ общій списокъ странъ, платящихъ дань. Снятыя съ этихъ рельефовъ прориси, тщательно провѣренныя Герцфельдомъ, даютъ наглядное понятіе о томъ, насколько изображенныя на нихъ скиѳскія одежды близки къ одеждамъ переднеазіатскихъ народовъ, отличаясь характерными остроконечными головными уборами (Рис. 2) **). Вслѣдствіе того, что всѣ ряды фигуръ обрамлены и подпираютъ головой и руками выступъ рельефа, остроконечная часть головныхъ уборовъ загнута назадъ. На рельефѣ Бегистанской скалы, изображающемъ Дарія, попирающаго мага Гаумату, послѣдній изъ девяти связанныхъ между собой веревкой на шеѣ мятежниковъ представленъ въ такомъ же высокомъ остроконечномъ головномъ уборѣ; благодаря иной, болѣе свободной общей композиціи, головной уборъ этотъ воспроизведенъ съ торчащимъ вверхъ острымъ концомъ. Надпись надъ послѣдней фигурой: «это Сакука-Сакъ» не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что передъ нами представитель Скиѳскихъ племенъ, которыхъ древніе называли общимъ именемъ Саковъ (Sakā Haumavarkā—Хумаваргскіе Скиѳы, Sakā Tigrakhauda—Скиѳы съ остроконечными шапками, Sakā tyaiy tara daraya—Скиѳы по ту сторону моря ***).

Геродотъ слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ одежды: «и Саки, т. е.—Скиѳы, имѣли на головахъ «кирбасіи»—остроконечныя шапки изъ твердаго войлока, одѣты были въ штаны, имѣли туземные луки, короткіе мечи и сѣкиры—сагары» (VII. 64). Согласное съ этимъ описаніемъ изображеніе Скиѳовъ мы имѣемъ на персидскомъ цилиндрѣ (Рис. 3), представляющемъ битву Саковъ съ Персами, изображеніе въ высшей степени любопытное въ томъ отношеніи, что эти Саки въ короткихъ курткахъ, широкихъ, длинныхъ

*) Тураевъ. Ист. Древн. Востока. II-я ч., 179 стр.
**) Изд. въ соч. Sarre und Herzfeld. Iranische Felsreliefs.
***) Sarre und Herzfeld.

Рис. 2. Прорись рельфовъ гробницы Дарія, изображающихъ представителей подвластныхъ ему странъ въ видѣ трононосителей: 1. Персіи, 2. Мидіи, 3. Сузіаны, 4. Парѳіи, 5. Аріи, 6. Бактріи, 7. Согдіаны, 8. Хорасміи, 9. Драгіаны, 10. Арахозіи, 11. Саттагиды, 12. Гандары, 13. Индіи, 14. Хумаварскихъ Скиѳовъ, 15. Скиѳовъ съ остроконечными шапками, 16. Вавилона, 17. Ассиріи, 18. Аравіи, 19. Египта, 20. Арменіи, 21. Каппадокіи, 22. Сардовъ, 23. Іоніи, 24. Скиѳовъ по ту сторону моря, 25. Сукудры, 26. Іонянъ съ курчавами волосами, 27. Путъ, 28. Кушъ, 29. Максіи, 30. Карки. (Sarre und Herzfeld. Iranische Felsreliefs).

шароварахъ схожи своимъ одѣяніемъ съ всадниками, мечущими дротикомъ, Куль-Обскихъ золотыхъ бляшекъ (Таб. VII), а ихъ кирбасіи вполнѣ напоминаютъ тѣ, которыя мы видимъ на знаменитой Куль-Обской электровой вазѣ (Таб. V, VI).

Помимо описанія Геродотомъ скиѳскихъ племенъ Массагетовъ *), занимавшихъ «необозримыя пространства» къ востоку отъ Каспійскаго моря, мы имѣемъ наглядное свидѣтельство родственной связи скиѳской одежды съ нарядами передне-азіатскихъ племенъ въ найденныхъ въ Аму-Дарьинскомъ кладѣ золотой пластинкѣ, съ изображеніемъ азіатскаго Скиѳа, и на серебряномъ умбонѣ (центральномъ украшеніи щита), украшавшемъ середину щита, съ изображенной на немъ охотой (Рис. 4).

Рис. 3. Прорись съ Персидскаго цилиндра, изображающаго бой Персовъ съ Саками. (Русск. Др. Толстой и Кондаковъ, ч. II-я)

Скиѳъ на золотой пластинкѣ (Фот. 5) одѣтъ, судя по отсутствію на его одеждѣ складокъ, въ кожаный кафтанъ съ узкими рукавами, богато украшенный золотыми бляшками, идущими двумя полосами по бокамъ отъ плечъ къ подолу, по плечамъ, вокругъ предплечья и подола, и въ такіе же кожаные неширокіе штаны, заткнутые въ короткіе сапоги. Голова его закутана башлыкомъ или митрой – головной уборъ, весьма распространенный среди народовъ передне-азіатскаго Востока, который накладывался такимъ образомъ, чтобы закрывать всю голову, щеки и подбородокъ (по выраженію древнихъ, – mithra velatus, окутанный митрой, фот. 6).

Закутанныя митрой головы мы видимъ на персепольскихъ рельефахъ, саркофагѣ Александра въ Константинополѣ, знаменитой помпейской мозаикѣ, изображающей битву при Иссѣ, и др. Такіе же башлыки видны на Карагодеуашхской бляхѣ.

Охотящіеся всадники, изображенные на серебряномъ умбонѣ, одѣты въ такія же одежды, какія мы видимъ на изображеніяхъ Скиѳовъ на гробницѣ Дарія (Рис. 2). Одежды эти отличаются лишь длинными сборчатыми рукавами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что древніе обитатели нашей земли, Скиѳы, имѣли одежду, созданную не исключительно подъ вліяніемъ мѣстныхъ (южно-русскихъ) условій, но перенесенную на новыя мѣста ихъ заселенія многовѣковую одежду своихъ предковъ, обычаи которыхъ они свято чтили и охраняли отъ чуждаго имъ эллинскаго вліянія. Вѣрность вкоренившимся обычаямъ подтверждается свидѣтельствомъ Геродота о томъ, что «Варвары избѣгали заимствованія чуждыхъ обычаевъ, при томъ не только отъ другихъ народовъ, но и въ особенности отъ Эллиновъ», и разсказомъ его объ Анахарсисѣ и Скилѣ. «Это доказали Анахарсисъ и затѣмъ Скилъ», – повѣствуетъ Геродотъ. Именно, обозрѣвъ много странъ и пріобрѣтя въ путешествіи много мудрости, Анахарсисъ, на возвратномъ пути въ родную Скиѳію, проѣзжая черезъ Геллеспонтъ, присталъ въ Кизикѣ; заставъ Кизикинцевъ совершающими съ большою торжественностью праздникъ въ честь Матери боговъ, онъ далъ обѣтъ Матери, если возвратится на родину здравымъ и невредимымъ, совершить ей жертвоприношеніе такимъ же образомъ, какой онъ видѣлъ у Кизикинцевъ, и установить всенощное празднество. По возвращеніи въ Скиѳію, онъ отправился въ такъ называемое Полѣсье (оно лежитъ у Ахиллова Бѣга и все покрыто разнородными деревьями) и совершилъ въ честь богини полное празднество съ тимпаномъ въ рукахъ и увѣшанный изображеніями богини. Кто-то изъ Скиѳовъ, подмѣтивъ дѣйствія Анахарсиса, донесъ объ этомъ царю Савлію; послѣдній, прибывъ туда лично и увидѣвъ, что Анахарсисъ совершаетъ это празднество, убилъ его стрѣлою изъ лука, и теперь, если спросить объ Анахарсисѣ,

*) 215. „Массагеты носятъ одежду подобную скиѳской и имѣютъ такой же образъ жизни; сражаются они верхомъ на коняхъ и пѣшими (ибо знаютъ оба способа войны), посредствомъ луковъ и копій, имѣя обыкновеніе носить и сѣкиры. Для всѣхъ надобностей они употребляютъ золото и мѣдь: что требуется для копій, стрѣлъ и сѣкиръ, они все приготовляютъ изъ мѣди, а головные уборы, пояса и перевязи украшаютъ золотомъ“. В. Латышевъ, «Извѣстія древнихъ о Скиѳіи и Кавказѣ», стр. 7.

IV в. до Р. Х.

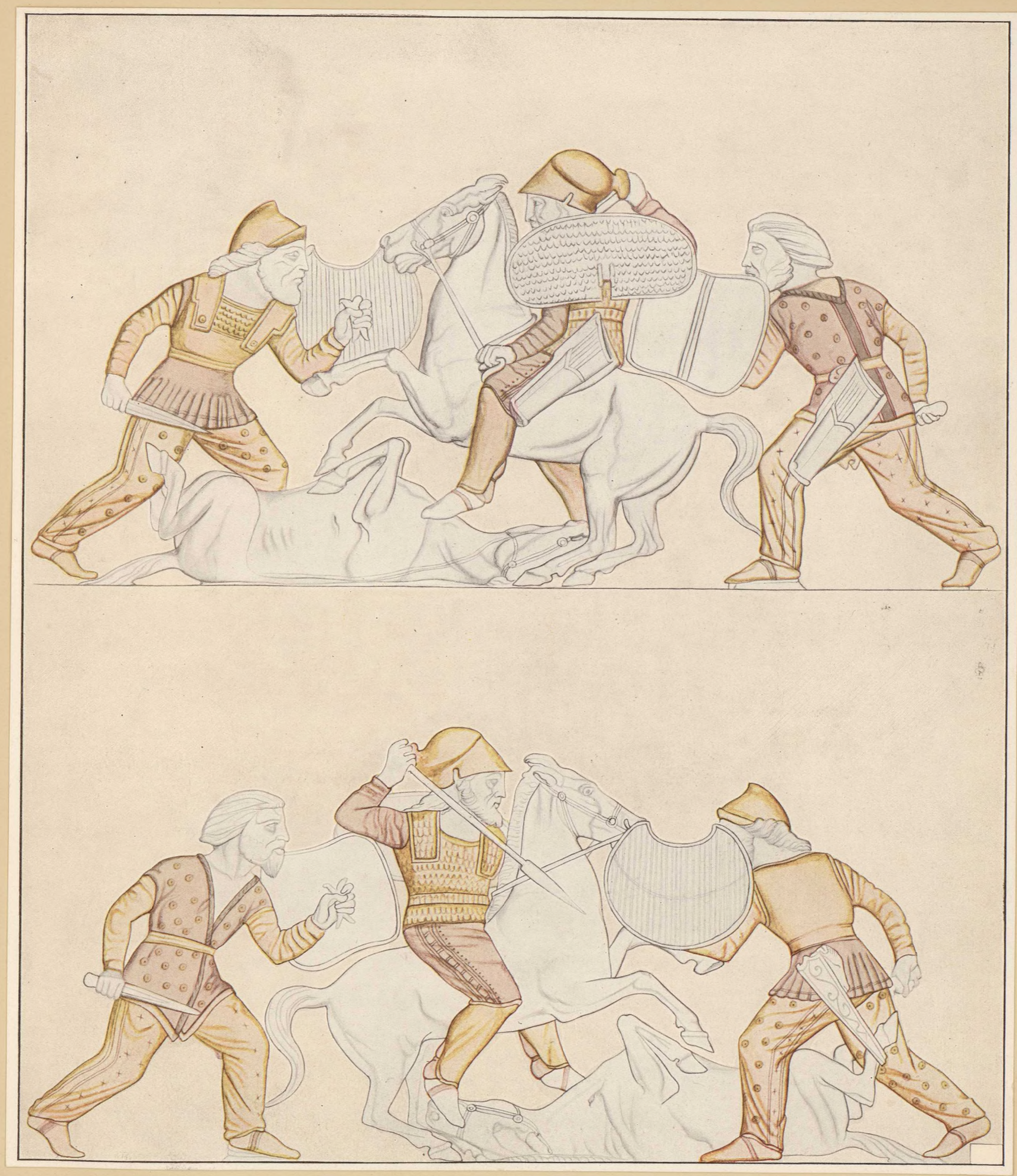


Табл. I. Скиѳскія военныя одежды по рельефамъ золотого гребня кургана Солоха.

Скиѳы говорятъ, что не знаютъ его, и это потому, что онъ путешествовалъ въ Элладу и принялъ чужеземные обычаи (IV. Гл. 76).

«Такъ погибъ Анахарсисъ за сочувствіе иноземнымъ обычаямъ и за сношеніе съ Эллинами" (78).

Правда, въ скиѳскихъ могилахъ мы встрѣчаемъ въ изобиліи украшенія греческаго искусства, но въ нихъ оно лишь обслуживало ранѣе установленныя, не присущія ему формы, и,

Рис. 4. Прорись съ серебрянаго умбона Аму-Дарьинскаго клада

такимъ образомъ, эти украшенія, въ своей основѣ, остаются самобытными. Если, напримѣръ, золотыя ножны Чертомлыцкаго кургана и греческой работы, то форма ихъ съ верхнимъ треугольнымъ выступомъ свойственна лишь Востоку (ножны Накшъ-и-Рустемскихъ и Персепольскихъ рельефовъ, золотая пластинка съ изображеніемъ азіатскаго Скиѳа Аму-Дарьинскаго клада, индійскіе кинжалы и т. д.). То же можно сказать, напр., о знаменитой царской гривнѣ Куль-Обскаго кургана и др.,—такого рода украшенія Эллинами не носились.

Характеръ одежды.

Ограниченный выборъ матеріаловъ для изготовленія одежды, обычныя занятія охотой и скотоводствомъ, суровый климатъ—все это само по себѣ послужило условіями,

опредѣлившими однообразный характеръ одежды, который мы не только можемъ усмотрѣть въ рядѣ изображеній, но который подтверждается еще свидѣтельствомъ Гиппократа о томъ, что „обитатели страны такъ похожи видомъ другъ на друга: носятъ одну и ту же одежду лѣтомъ и зимой" *).

Обычно одежда эта состояла изъ выдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, обращенныхъ мѣховой стороной внутрь. Юлій Полидевкъ **) даетъ слѣдующее опредѣленіе этой одеждѣ: „Были и кожаныя одежды . . . сисирна—кожаный хитонъ, волосатый, съ рукавами, употребляется Скиѳами" (Словарь. Lib. VII, § 77).

Ткани.

Наряду съ шерстяными или войлочными тканями, носились льняныя, конопляныя или пеньковыя.

Конопля, весьма похожая на ленъ, росла и въ дикомъ видѣ и засѣвалась, значительно превосходя его высотой и толщиной (Геродотъ. IV, 74). Эти ткани расцвѣчивались пестрыми узорами, на что указываетъ Геродотъ въ описаніи Кавказскихъ горъ: „въ тамошнихъ лѣсахъ есть и деревья, покрытыя листьями такого рода, что ихъ растираютъ, смѣшиваютъ съ водой и этимъ составомъ рисуютъ себѣ на одеждѣ узоры. Эти узоры не смываются и старѣются вмѣстѣ съ тканью, какъ бы вотканные съ самаго начала" (203). Эти вотканные узоры могли быть тѣми ромбообразными или шашечными узорами, которые мы такъ часто встрѣчаемъ на одеждахъ мало-азійскихъ народовъ (столь напоминающіе узоры нашихъ плахтъ) и расположеніе которыхъ повторяется на различныхъ изображеніяхъ скиѳо-сарматской эпохи (Табл. №№ V, VI).

Фот. 5. Золотая пластинка Аму-Дарьинскаго клада съ изобр. средне-азіатскаго Скиѳа.

Раскопки кургановъ раскрыли намъ богатѣйшіе образцы тканей іонійскаго, египетскаго происхожденія, украшенныхъ очертаніями самыхъ причудливыхъ животныхъ, человѣческихъ фигуръ, растительныхъ узоровъ (хран. въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

Извѣстны еще исключительно черныя одежды Меланхлэновъ; можно полагать, что онѣ изготовлялись изъ тканей черной овечьей шерсти, на подобіе тѣхъ, изъ которыхъ изготовляются наши кавказскія бурки, такъ какъ по Страбону χλαῖνα не столько являлось названіемъ какой-нибудь особенной одежды, сколько служило опредѣленіемъ особенной длинношерстой ткани (Strabo IV, 4, 3). Діонъ Хрисостомъ***) въ Борисѳенитской рѣчи, произнесенной имъ около 100 г. по Р. Х., упоминаетъ о томъ, что одежда у Борисѳенитовъ была большей частью чернаго цвѣта, по примѣру одного скиѳскаго племени – Меланхлэновъ. Одежду эту составляли: „шаровары и, кромѣ остального скиѳскаго убранства, тонкіе небольшіе черные плащи". Возможно, что въ это промежуточное время такіе черные плащи (бурки?) могли отличать и какія нибудь-другія скиѳскія народности.

Украшеніе одежды.

Одноцвѣтность кожаной одежды скрашивалась обиліемъ золотыхъ украшеній, нашивавшихся на нее, цвѣтными вышивками, стежками и нашивками.

Обычай класть въ могилу, вмѣстѣ съ умершими, любимыя ихъ вещи, одежды—раскрылъ намъ общія черты ихъ быта. Раскопки многихъ могилъ Скиѳо-Сарматской эпохи обнаружили на стѣнахъ и сводахъ склеповъ желѣзные крючья, предназначенные,

*) Гиппократъ «О Воздухѣ, Водахъ и Мѣстностяхъ», 26.

**) Грамматикъ и софистъ, жилъ во второй половинѣ II-го вѣка по Р. Х., при императорѣ Коммодѣ.

***) Т. е. Златоустъ, такъ прозванный за свое краснорѣчіе, наиболѣе выдающійся риторъ и софистъ Римской имперіи. Род. около 30 г. по Р. Х., умеръ около 116 г. Будучи замѣшанъ въ заговорѣ противъ Домиціана, скрывался въ странѣ Гетовъ.

IV в. до Р. Х.

Табл. II. Скиѳскія одежды на золотой обивкѣ налучья кургана Солоха (по реставраціи М. В. Фармаковскаго).

очевидно, для навѣшиванія на нихъ одеждъ, о чемъ можно судить по обилію разбросанныхъ подъ ними золотыхъ бляшекъ, золотыхъ полосокъ въ видѣ лентъ и другихъ украшеній, снабженныхъ отверстіями для прикрѣпленія ихъ къ одеждѣ.

О расположеніи этихъ бляшекъ на одеждѣ мы можемъ лучше всего судить по цѣлому ряду приложенныхъ таблицъ, а о количествѣ и разнообразіи узоровъ на нихъ наглядную картину намъ даетъ перечень золотыхъ бляшекъ и другихъ золотыхъ нашивокъ, найденныхъ въ одной изъ гробницъ Чертомлыцкаго кургана (въ сѣверо-восточномъ отдѣленіи отъ центральной могилы).

Украшенія эти состояли: изъ 64 бляшекъ съ изображеніемъ фантастическаго животнаго, 25 – съ изображеніемъ двухъ цвѣтковъ, 7 – льва, терзающаго оленя, 10 – грифомъ, 31 – грифа, 45 – Варвара, борющагося съ изображеніемъ розетки, зайца, 12 — круглыхъ съ той головы, 24 — головы 130-человѣческой борода- сками, 27 — одной головы Горгоны съ пятью привѣ- головы Аѳины и льва, Горгоны, 3 — двулицей льва, 1 — борьбы льва со 33 — Геракла, удушающаго тельца, 24 — пирамидки съ сфинксомъ, 1 — лежащаго украшенія состояли изъ зернью. Кромѣ того, эти сокъ, бусъ, трубочекъ, множества дутыхъ подвѣ- на одежду. пуговицъ и др. нашивокъ нашивокъ въ другихъ мо-

Количество такихъ лыцкаго кургана, доходило гилахъ, того же Чертом- такого же рисунка бляшки, до 700, и совершенно штампа, встрѣчались и въ какъ бы снятыя съ одного какъ и узорчатыя широкія другихъ курганахъ, также шія украшеніемъ голов- полосы и бляхи, служив- тыя ленты съ травчатыми ныхъ уборовъ, узкія золо- 7, 8). или иными узорами (Рис.

Фот. 6. Голова въ митрѣ съ Персепольскаго рельефа (Sarre-Herzfeld. Iranische Felsreliefs).

Мужская одежда. Мужскую Скиѳо- Сарматскую одежду составляли: кафтанъ, шаровары, или не широкіе штаны, башлыки, или же кирбасіи, и сапоги

Кафтанъ. Узкорукавный кафтанъ, въ видѣ полушубка,—сисирна (см. стр. 12) выкраивался, какъ видно изъ приложенной схемы (Рис. 9), двумя косо идущими напередъ фалдами, которыя заходили правой стороной на лѣвую и удерживались въ такомъ положеніи туго стянутымъ поясомъ. Отвороченные верхніе боковые края кафтана, если онъ выкраивался изъ звѣриныхъ шкуръ, образовывали мѣховую опушку. Нижній край кафтана, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ, вмѣсто мѣховой опушки оторачивался обшивкой въ видѣ каймы, а боковыя части его иногда снабжались неглубокими набедренными разрѣзами Доходя сбоку до половины бедра, кафтанъ спускался напередъ мысомъ.

Кромѣ такихъ кафтановъ, встрѣчаются укороченные, которые мы можемъ видѣть на изображеніи Сармата на ритонѣ, найденномъ въ Кубанской области (III—II в. до Р. Х.), на изображеніи конного Скиѳа Куль-Обской бляшки, мечущаго дротикомъ въ зайца, и др. Представленіе о такомъ короткомъ кафтанѣ, которое даютъ намъ, между прочимъ, мраморная стела Херсонскаго музея (Фот. 10), найденная въ Ольвіи (V в. до Р. Х.) *), также какъ и изображенія Саковъ на персидскомъ цилиндрѣ (Рис. 3), доказываетъ, что короткіе кафтаны не составляли опредѣленной эпохи и носились на ряду съ удлиненными.

Рукава иногда бывали длиннѣе руки; въ такомъ случаѣ излишняя длина ихъ сокращалась или посредствомъ наборныхъ складокъ, располагавшихся по всей рукѣ, или путемъ

---

*) Б. В. Фармаковскій. Извѣстія Импер. Арх. Коммиссіи, выпускъ 58, стр. 82 и далѣе.

очевидно, для навѣшиванія на нихъ одеждъ, о чемъ можно судить по обилію разбросанныхъ подъ ними золотыхъ бляшекъ, золотыхъ полосокъ въ видѣ лентъ и другихъ украшеній, снабженныхъ отверстіями для прикрѣпленія ихъ къ одеждѣ.

О расположеніи этихъ бляшекъ на одеждѣ мы можемъ лучше всего судить по цѣлому ряду приложенныхъ таблицъ, а о количествѣ и разнообразіи узоровъ на нихъ наглядную картину намъ даетъ перечень золотыхъ бляшекъ и другихъ золотыхъ нашивокъ, найденныхъ въ одной изъ гробницъ Чертомлыцкаго кургана (въ сѣверо-восточномъ отдѣленіи отъ центральной могилы).

Украшенія эти состояли: изъ 64 бляшекъ съ изображеніемъ фантастическаго животнаго, 25 – съ изображеніемъ двухъ цвѣтковъ, 7 — льва, терзающаго оленя, 10 — грифомъ, 31 — грифа, 45 — Варвара, борющагося съ изображеніемъ розетки, зайца, 12 — круглыхъ съ той головы, 24 — головы 130-человѣческой борода- сками, 27 — одной головы Горгоны съ пятью привѣ- головы Аѳины и льва, Горгоны, 3 — двулицей льва, 1 — борьбы льва со 33 — Геракла, удушающаго тельца, 24 — пирамидки съ сфинксомъ, 1 — лежащаго украшенія состояли изъ зернью. Кромѣ того, эти сокъ, бусъ, трубочекъ, множества дутыхъ подвѣ- на одежду.

Фот. 6. Голова въ митрѣ съ Персепольскаго рельефа (Sarre-Herzfeld. Iranische Felsreliefs).

пуговицъ и др. нашивокъ нашивокъ въ другихъ мо-

Количество такихъ лыцкаго кургана, доходило гилахъ, того же Чертом- такого же рисунка бляшки, до 700, и совершенно штампа, встрѣчались и въ какъ бы снятыя съ одного какъ и узорчатыя широкія другихъ курганахъ, также шія украшеніемъ голов- полосы и бляхи, служив- тыя ленты съ травчатыми ныхъ уборовъ, узкія золо- 7, 8).

Мужская одежда.

Мужскую Скиѳо- Сарматскую одежду со- ставляли: кафтанъ, шаровары, или не широкіе штаны, башлыки, или же кирбасіи, и сапоги

Кафтанъ.

Узкорукавный кафтанъ, въ видѣ полушубка,—сисирна (см. стр. 12) выкраивался, какъ видно изъ приложенной схемы (Рис. 9), двумя косо идущими напередъ фалдами, которыя заходили правой стороной на лѣвую и удерживались въ такомъ положеніи туго стянутымъ поясомъ. Отвороченные верхніе боковые края кафтана, если онъ выкраивался изъ звѣриныхъ шкуръ, образовывали мѣховую опушку. Нижній край кафтана, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ, вмѣсто мѣховой опушки оторачивался обшивкой въ видѣ каймы, а боковыя части его иногда снабжались неглубокими набедренными разрѣзами Доходя сбоку до половины бедра, кафтанъ спускался напередъ мысомъ.

Кромѣ такихъ кафтановъ, встрѣчаются укороченные, которые мы можемъ видѣть на изображеніи Сармата на ритонѣ, найденномъ въ Кубанской области (III—II в. до Р. Х.), на изображеніи коннаго Скиѳа Куль-Обской бляшки, мечущаго дротикомъ въ зайца, и др. Представленіе о такомъ короткомъ кафтанѣ, которое даютъ намъ, между прочимъ, мраморная стела Херсонскаго музея (Фот. 10), найденная въ Ольвіи (V в. до Р. Х.) *), также какъ и изображенія Саковъ на персидскомъ цилиндрѣ (Рис. 3), доказываетъ, что короткіе кафтаны не составляли опредѣленной эпохи и носились на ряду съ удлиненными.

Рукава иногда бывали длиннѣе руки; въ такомъ случаѣ излишняя длина ихъ сокращалась или посредствомъ наборныхъ складокъ, располагавшихся по всей рукѣ, или путемъ

*) Б. В. Фармаковскій. Извѣстія Импер. Арх. Коммиссіи, выпускъ 58, стр. 82 и далѣе.

Рис. № 7. Прорись съ золотыхъ бляшекъ и другихъ нашивныхъ украшеній, найденныхъ въ Скиѳскихъ курганахъ (Имп. Эрмитажъ. Имп. Арх. Ком.).

IV–III в. до Р. Х.

8 Табл. III. Скиѳскія одежды по Воронежской вазѣ.

Рис. № 7. Прорись съ золотыхъ бляшекъ и другихъ нашивныхъ украшеній, найденныхъ въ Скиѳскихъ курганахъ (Имп. Эрмитажъ. Имп. Арх. Ком.).

Табл. III. Скиѳскія одежды по Воронежской вазѣ.

заворачиванія у запястья. Особенно яркій образецъ наборнаго рукава мы имѣемъ на изображеніи всадниковъ серебрянаго умбона Аму-Дарьинскаго клада (Рис. 4).

Надѣвался кафтанъ непосредственно на тѣло (Таб. IV), и ни одно изъ скиѳскихъ изображеній, которыя мы имѣемъ, не показываетъ, что кафтанъ надѣвался на какую-либо исподнюю одежду.

Украшеніями кафтановъ служили золотыя бляшки, цвѣтныя стежки, вышивки, нашивки.

Золотыя бляшки, въ видѣ различныхъ давленыхъ изображеній, располагались обыкновенно либо какъ придаточная декоративная часть къ общему мотиву узора, какъ мы видимъ на рельефахъ Воронежскаго серебрянаго сосуда (Таб. III), либо образуя самостоятельно чередующіеся узоры (Сарматъ Кубанскаго ритона), либо онѣ произвольно разбрасывались по одеждѣ (Куль-Обская ваза).

Вышитые по кожаной мѣховой одеждѣ, узоры естественно давали выпуклую стежку, рельефъ которой могъ увеличиваться при помощи кожи или жесткой ткани, подложенныхъ съ внутренней волосистой стороны (Воронежская и Куль-Обская вазы).

Нашивки, въ видѣ вышитыхъ цвѣтныхъ полосъ, украшали наплечныя, боковыя и наспинныя части кафтановъ (Куль-Обская ваза и бляшка съ изображеніемъ коннаго Скиѳа. Ваза Чертомлыцкаго кургана).

Штаны.

Штаны были въ видѣ широкихъ матерчатыхъ шароваръ (σαράβαλλα, σαράβαρα), или болѣе узкіе (ἀναξυρίδες)—анаксириды, кожаные или матерчатые. Шаровары (Фот. II) ниспадали широкими полными складками, носились поверхъ обуви, удерживаясь, для удобства верховой ѣзды, проходящими подъ ступней лямками. Анаксириды затыкались въ сапоги или, судя по нѣкоторымъ условнымъ изображеніямъ варваровъ, обвязывались вокругъ щиколотки, что совпадаетъ и съ позднѣйшими изображеніями Сарматовъ. Украшеніями штановъ служили круглыя золотыя бляшки, вышивки и нашивки. Если штаны бывали мѣховыми, вышитые по нимъ узоры принимали характеръ стежки (Воронежская ваза). Матерчатые шаровары испещрялись крестиками. Обшитые или вытканные цвѣтными полосами ромбообразные или шашечнаго узора штаны, столь свойственные мало-азійскимъ народамъ (фригійцы), встрѣчаются на изображеніяхъ Куль-Обской вазы.

Раскрашенная терракотовая головка варвара, найденная въ Ольвіи (Имп. Эрмитажъ).

Головной уборъ.

Обыкновенно Скиѳовъ и Сарматовъ изображали съ обнаженными головами, со свободно развѣвающимися длинными волосами, которые иногда на вискахъ и надъ лбомъ придерживались и раздѣлялись тесьмой на отдѣльныя пряди. У Геродота встрѣчается указаніе, что на царскихъ похоронахъ, въ знакъ печали, Скиѳы стригли кругомъ волосы: «Тѣ, къ которымъ привезутъ покойника (царя), дѣлаютъ то же, что и царскіе Скиѳы: отрѣзываютъ себѣ часть уха, обстригаютъ кругомъ волосы, надрѣзываютъ руки, расцарапываютъ лобъ и носъ и протыкаютъ стрѣлы сквозь лѣвую руку» (Геродотъ. IV, 71). Насколько эта часть ритуальнаго обычая имѣла широкое распространеніе, точныхъ указаній не имѣется, но что въ болѣе позднее время нѣкоторыя племена отличались особеннымъ образомъ подстриженными волосами, видно изъ разсказовъ Лукіана, жившаго во II в. по Р. Х.*). На нѣкоторыхъ изображеніяхъ Скиѳовъ, пьющихъ изъ ритона, можно замѣтить

*) Лукіанъ. Разсказъ, озагл. «Токсаридъ или Дружба». 51. «Такъ говорилъ Макентъ, по одеждѣ и по языку похожій на Алана, потому, что и то, и другое у Алановъ одинаково со Скиѳами, только Аланы не носятъ такихъ длинныхъ волосъ, какъ Скиѳы. Но Макентъ и въ этомъ уподобился имъ, подстригши волосы настолько, насколько они у Алана должны быть короче, чѣмъ у Скиѳа».

заворачиванія у запястья. Особенно яркій образецъ наборнаго рукава мы имѣемъ на изображеніи всадниковъ серебрянаго умбона Аму-Дарьинскаго клада (Рис. 4).

Надѣвался кафтанъ непосредственно на тѣло (Таб. IV), и ни одно изъ скиѳскихъ изображеній, которыя мы имѣемъ, не показываетъ, что кафтанъ надѣвался на какую-либо исподнюю одежду.

Украшеніями кафтановъ служили золотыя бляшки, цвѣтныя стежки, вышивки, нашивки.

Золотыя бляшки, въ видѣ различныхъ давленыхъ изображеній, располагались обыкновенно либо какъ придаточная декоративная часть къ общему мотиву узора, какъ мы видимъ на рельефахъ Воронежскаго серебрянаго сосуда (Таб. III), либо образуя самостоятельно чередующіеся узоры (Сарматъ Кубанскаго ритона), либо онѣ произвольно разбрасывались по одеждѣ (Куль-Обская ваза).

Вышитые по кожаной мѣховой одеждѣ, узоры естественно давали выпуклую стежку, рельефъ которой могъ увеличиваться при помощи кожи или жесткой ткани, подложенныхъ съ внутренней волосистой стороны (Воронежская и Куль-Обская вазы).

Нашивки, въ видѣ вышитыхъ цвѣтныхъ полосъ, украшали наплечныя, боковыя и наспинныя части кафтановъ (Куль-Обская ваза и бляшка съ изображеніемъ коннаго Скиѳа. Ваза Чертомлыцкаго кургана).

Штаны.

Штаны были въ видѣ широкихъ матерчатыхъ шароваръ (σαράδαλλα, σαράδαρα), или болѣе узкіе (ἀναξυρίδες)—анаксириды, кожаные или матерчатые. Шаровары (Фот. 11) ниспадали широкими полными складками, носились поверхъ обуви, удерживаясь, для удобства верховой ѣзды, проходящими подъ ступней лямками. Анаксириды затыкались въ сапоги или, судя по нѣкоторымъ условнымъ изображеніямъ варваровъ, обвязывались вокругъ щиколотки, что совпадаетъ и съ позднѣйшими изображеніями Сарматовъ. Украшеніями штановъ служили круглыя золотыя бляшки, вышивки и нашивки. Если штаны бывали мѣховыми, вышитые по нимъ узоры принимали характеръ стежки (Воронежская ваза). Матерчатые шаровары испещрялись крестиками. Обшитые или вытканные цвѣтными полосами ромбообразные или шашечнаго узора штаны, столь свойственные мало-азійскимъ народамъ (фригійцы), встрѣчаются на изображеніяхъ Куль-Обской вазы.

Раскрашенная терракотовая головка Варвара, найденная въ Ольвіи (Имп. Эрмитажъ).

Головной уборъ.

Обыкновенно Скиѳовъ и Сарматовъ изображали съ обнаженными головами, со свободно развѣвающимися длинными волосами, которые иногда на вискахъ и надъ лбомъ придерживались и раздѣлялись тесьмой на отдѣльныя пряди. У Геродота встрѣчается указаніе, что на царскихъ похоронахъ, въ знакъ печали, Скиѳы стригли кругомъ волосы: «Тѣ, къ которымъ привезутъ покойника (царя), дѣлаютъ то же, что и царскіе Скиѳы: отрѣзываютъ себѣ часть уха, обстригаютъ кругомъ волосы, надрѣзываютъ руки, расцарапываютъ лобъ и носъ и протыкаютъ стрѣлы сквозь лѣвую руку» (Геродотъ. IV, 71). Насколько эта часть ритуальнаго обычая имѣла широкое распространеніе, точныхъ указаній не имѣется, но что въ болѣе позднее время нѣкоторыя племена отличались особеннымъ образомъ подстриженными волосами, видно изъ разсказовъ Лукіана, жившаго во II в. по Р. Х.*). На нѣкоторыхъ изображеніяхъ Скиѳовъ, пьющихъ изъ ритона, можно замѣтить

*) Лукіанъ. Разсказъ, озагл. «Токсаридъ или Дружба». 51. «Такъ говорилъ Макентъ, по одеждѣ и по языку похожій на Алана, потому, что и то, и другое у Алановъ одинаково со Скиѳами, только Аланы не носятъ такихъ длинныхъ волосъ, какъ Скиѳы. Но Макентъ и въ этомъ уподобился имъ, подстригши волосы настолько, насколько они у Алана должны быть короче, чѣмъ у Скиѳа».

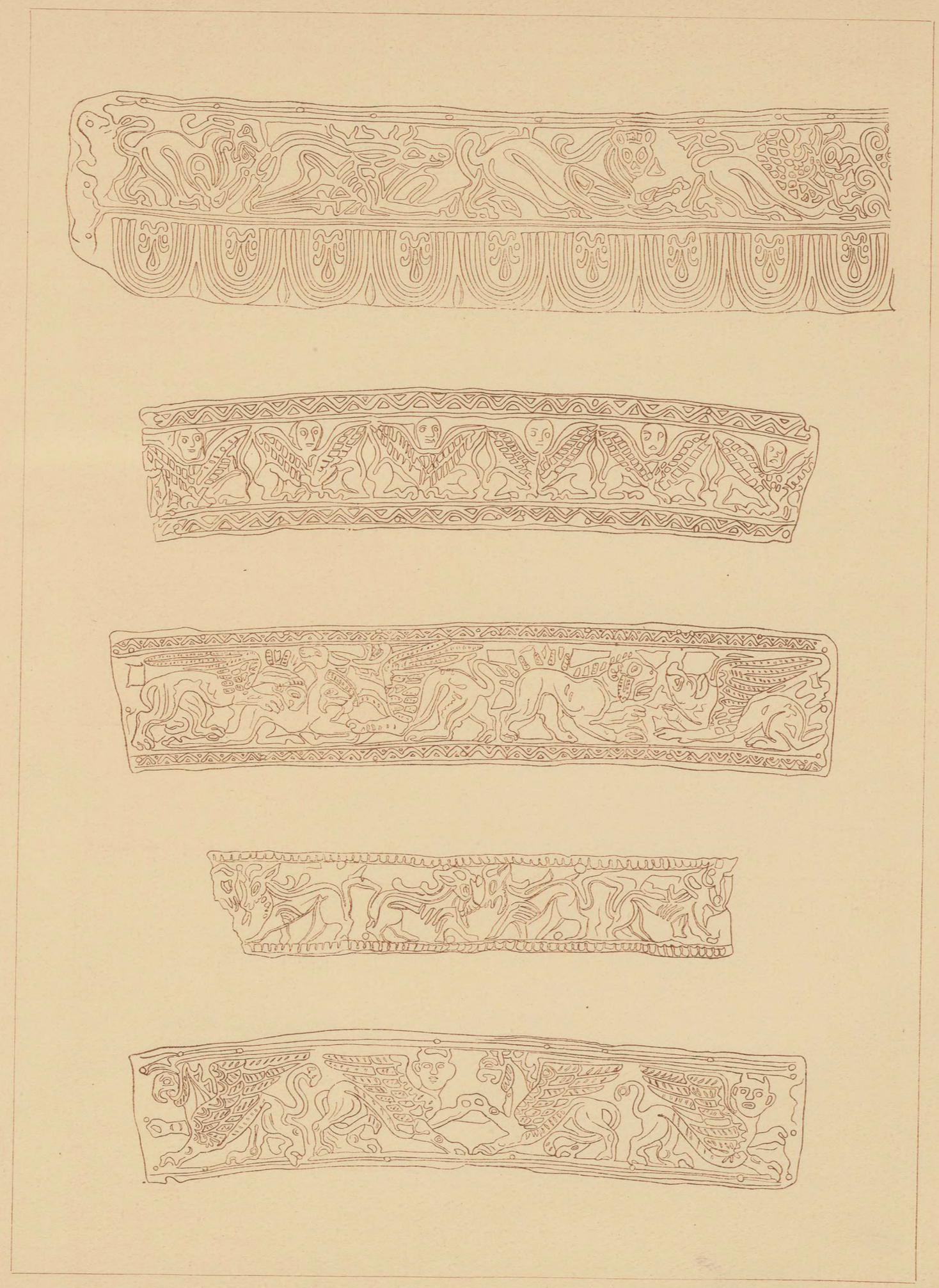


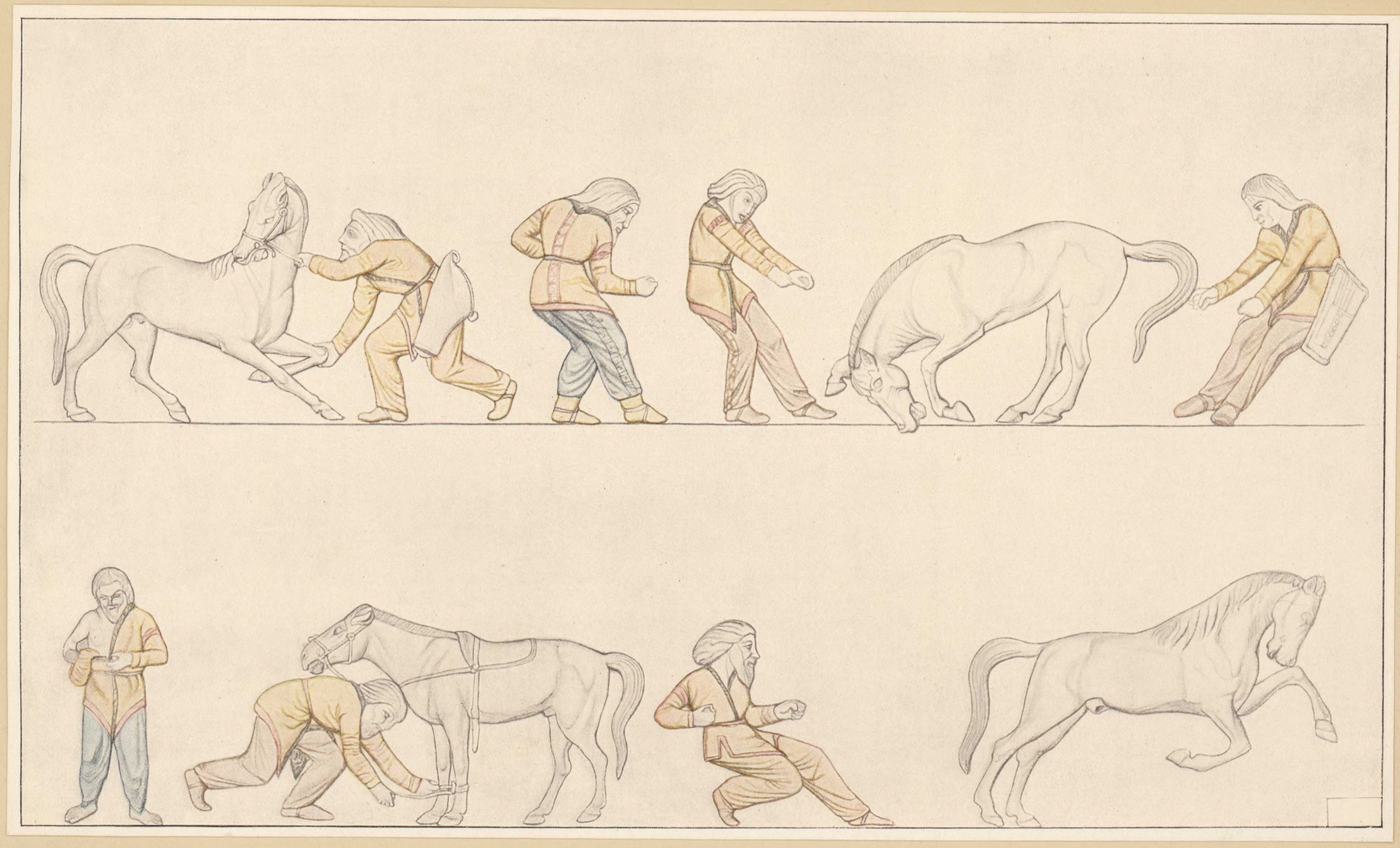
Рис. 8. Прорись золотыхъ нашивныхъ полосокъ и вѣнчиковъ, найденныхъ въ скиѳскихъ курганахъ. (Имп. Эрм.).

III—II в. до Р. Х.

10 Табл. IV. Одежды скифо-сарматской эпохи по вазѣ, найденной въ Чертомлыцкомъ курганѣ.

Рис. 8. Прорись золотыхъ нашивныхъ полосокъ и вѣнчиковъ, найденныхъ въ скелетахъ [illegible] [1рм.].

III—II в. до Р. Х.



10 Табл. IV. Одежды скифо-сарматской эпохи по вазѣ, найденной въ Чертомлыцкомъ курганѣ.

кругомъ остриженные «въ скобку» волосы (золотая бляшка съ изображеніемъ двухъ пьющихъ изъ ритоновъ Скиѳовъ—фот. 12, золотая нашивная бляшка села Верхній Рогачикъ и подобныя ей—фот. 22, 21, 19).

Амміанъ Марцеллинъ называетъ Алановъ-Сарматовъ бѣлокурыми, но судя по найденной въ Ольвіи терракотовой головкѣ Варвара*), изображеннаго въ типичной кирбасіи, съ окрашенными въ рыжеватый цвѣтъ волосами и бородой, можно предполагать, что, подобно Персамъ, они красили волосы въ огненно-рыжій цвѣтъ. Овидій отмѣчаетъ Сарматовъ длинными волосами и бородой (Trist. V, 7. 17—18). Такими же видитъ Діонъ Хрисостомъ Борисѳенитовъ: «длинноволосые и бородатые, одинъ только между ними былъ выбритъ, его всѣ поносили и ненавидѣли: говорили, что онъ сдѣлалъ это не по какой либо причинѣ, какъ только изъ желанія польстить Римлянамъ и доказать свою дружбу къ нимъ, такъ что онъ являлъ весь позоръ такого поступка и крайнее его неприличіе для мужей» (Борисѳенитская Рѣчь).

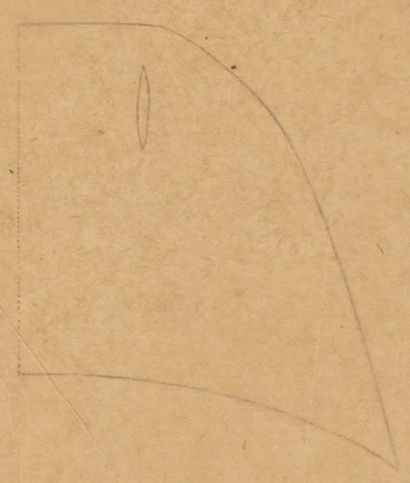


Рис. 9.

Служившія головнымъ уборомъ кирбасіи, какъ упоминалось выше, являлись остроконечными клобуками изъ твердаго плотнаго войлока или кожи. Украшались онѣ стежками, золотыми бляшками, золотыми узорчатыми лентами или иными золотыми украшеніями.

Митры представляли башлыки, снабженные длинными нащечными и короткой назатыльной лопастями. При помощи ленты, идущей вдоль лба, башлыкъ прилегалъ къ вискамъ, а свободныя его лопасти плотно окутывали нижнюю часть лица. Иногда башлыкъ имѣлъ весьма удлиненную назатыльную часть, разрѣзанную на такія же двѣ лопасти, какъ и переднія, служившія для обматыванія боковыхъ частей лица. Такую четырехлопастную митру можно видѣть на золотыхъ ножнахъ меча Чертомлыцкаго кургана—на изображеніи колѣнопреклоненнаго Варвара, отбивающагося сѣкирой отъ нападающаго на него обнаженнаго Грека. Украшались башлыки золотыми бляшками.

Фот. 10. Мраморная стела Херсонскаго музея, найденная въ Ольвіи.

Обувь.

Сапоги имѣли видъ кожанаго чулка, плотно прилаженнаго къ ногѣ ремнями, охватывающими ступню и щиколотку. Обувь такого вида являлась настолько своеобразной, что древніе именовали ее «Скиѳской» (Скиѳины). «Аргосскіе башмаки, всякому ясно, придуманы очевидно Аргосцами, какъ «Скиѳскіе»—Скиѳами и «Родосскіе»—Родосцами", замѣчаетъ по этому поводу Полидевкъ (Словарь Т. VII, § 88).

Можно предполагать, что сапогъ изготовлялся изъ куска вымоченной кожи, высушенной на какой-нибудь примитивной колодкѣ.

Плащи.

Ограниченное число изображеній Скиѳовъ и Сарматовъ въ плащахъ не позволяетъ опредѣленно высказаться о нихъ. Небольшая величина и неопредѣленная форма плаща, накинутаго на плечи Сармата, изображеннаго на серебряномъ ритонѣ Кубанской области

*) См. стр. 15

кругомъ остриженные «въ скобку» волосы (золотая бляшка съ изображеніемъ двухъ пьющихъ изъ ритона Скиѳовъ—фот. 12, золотая нашивная бляшка села Верхній Рогачикъ и подобныя ей—фот. 22, 21, 19).

Амміанъ Марцеллинъ называетъ Алановъ-Сарматовъ бѣлокурыми, но судя по найденной въ Ольвіи терракотовой головкѣ Варвара*), изображеннаго въ типичной кирбасіи, съ окрашенными въ рыжеватый цвѣтъ волосами и бородой, можно предполагать, что, подобно Персамъ, они красили волосы въ огненно-рыжій цвѣтъ. Овидій отмѣчаетъ Сарматовъ длинными волосами и бородой (Trist. V, 7. 17—18). Такими же видитъ Діонъ Хрисостомъ Борисѳенитовъ: «длинноволосые и бородатые, одинъ только между ними былъ выбритъ, его всѣ поносили и ненавидѣли: говорили, что онъ сдѣлалъ это не по какой либо причинѣ, какъ только изъ желанія польстить Римлянамъ и доказать свою дружбу къ нимъ, такъ что онъ являлъ весь позоръ такого поступка и крайнее его неприличіе для мужей» (Борисѳенитская Рѣчь).

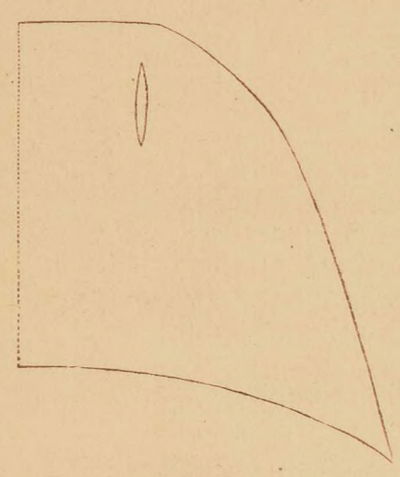


Рис. 9.

Служившія головнымъ уборомъ кирбасіи, какъ упоминалось выше, являлись остроконечными клобуками изъ твердаго плотнаго войлока или кожи. Украшались онѣ стежками, золотыми бляшками, золотыми узорчатыми лентами или иными золотыми украшеніями.

Митры представляли башлыки, снабженные длинными нащечными и короткой назатыльной лопастями. При помощи ленты, идущей вдоль лба, башлыкъ прилегалъ къ вискамъ, а свободныя его лопасти плотно окутывали нижнюю часть лица. Иногда башлыкъ имѣлъ весьма удлиненную назатыльную часть, разрѣзанную на такія же двѣ лопасти, какъ и переднія, служившія для обматыванія боковыхъ частей лица. Такую четырехлопастную митру можно видѣть на золотыхъ ножнахъ меча Чертомлыцкаго кургана—на изображеніи колѣнопреклоненнаго Варвара, отбивающагося сѣкирой отъ нападающаго на него обнаженнаго Грека. Украшались башлыки золотыми бляшками.

Фот. 10. Мраморная стела Херсонскаго музея, найденная въ Ольвіи.

Обувь.

Сапоги имѣли видъ кожанаго чулка, плотно прилаженнаго къ ногѣ ремнями, охватывающими ступню и щиколотку. Обувь такого вида являлась настолько своеобразной, что древніе именовали ее «Скиѳской» (Скиѳины). «Аргосскіе башмаки, всякому ясно, придуманы очевидно Аргосцами, какъ «Скиѳскіе»—Скиѳами и «Родосскіе»—Родосцами", замѣчаетъ по этому поводу Полидевкъ (Словарь Т. VII, § 88).

Можно предполагать, что сапогъ изготовлялся изъ куска вымоченной кожи, высушенной на какой-нибудь примитивной колодкѣ.

Плащи.

Ограниченное число изображеній Скиѳовъ и Сарматовъ въ плащахъ не позволяетъ опредѣленно высказаться о нихъ. Небольшая величина и неопредѣленная форма плаща, накинутаго на плечи Сармата, изображеннаго на серебряномъ ритонѣ Кубанской области

*) См. стр. 15.

(Таб. VIII), даетъ основаніе видѣть въ этомъ плащѣ звѣриную шкуру или выдѣланный изъ нея кожаный плащъ, застегнутый на груди фибулой. Другую разновидность представляетъ плащъ изъ волосистой ткани на приводимомъ здѣсь изображеніи терракотовой статуетки Варвара (Фот. 13). Плащъ этотъ имѣетъ поразительное сходство съ нашими бурками. Такія толстыя волосистыя ткани были извѣстны древнимъ подъ названіемъ «gausapum, gausapa» *). На золотыхъ ножнахъ Чертомлыцкаго кургана мы видимъ Варваровъ, задрапированныхъ въ плащи прямоугольной формы. Плащи эти охвачены вокругъ пояса двойнымъ рядомъ шнуровъ, между которыми вытянута излишняя длина плаща. Однако трудно допустить такой своеобразный нарядъ для данной эпохи, и его слѣдовало бы отнести къ условному изображенію наряда Варваровъ греческими художниками.

Фот. 11. Золотая пластинка Куль-Обскаго кургана (Имп. Эрм.).

Фот. 12. Золотая пластинка Куль-Обскаго кургана (Имп. Эрм.).

Скиѳское вооруженіе.

Скиѳское оборонительное вооруженіе состояло изъ шлема, панцыря, поножей и щита; наступательное—изъ лука, копья, дротика, меча, сѣкиры.

Оборонительное вооруженіе.

Цѣнное наглядное свидѣтельство полнаго вооруженія мы имѣемъ въ недавно найденномъ проф. Н. И. Веселовскимъ золотомъ гребнѣ съ изображеніемъ скиѳскаго коннаго боя (Табл. I). Мы видимъ на этомъ изображеніи панцыри трехъ родовъ: чешуйчатые, кованые, кожаные. Археологическія изысканія показываютъ, что чешуйки были бронзовыя, железныя, иногда обложенныя золотомъ, а въ скиѳскомъ курганѣ, Роменскаго уѣзда, найденъ костяной панцырь. Павзаній подтвержденіемъ того описанія, которое даетъ о сарматскомъ панцырѣ Павзаній. «Панцыри дѣлаютъ они слѣдующимъ образомъ. Каждый изъ нихъ держитъ много лошадей, такъ какъ земля ихъ не раздѣлена на участки и ничего не производитъ, кромѣ дикой растительности, такъ какъ они ведутъ кочевой образъ жизни. Лошадей они употребляютъ не только для войны, но и приносятъ въ жертву туземнымъ богамъ и употребляютъ въ пищу. Ихъ копыта они собираютъ, очищаютъ, разрѣзаютъ и дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто вродѣ змѣиной чешуи. Кому не случалось видѣть змѣи, тотъ навѣрно видалъ зеленыя сосновыя шишки: именно съ бороздками, виднѣющимися на сосновой шишкѣ, можно, пожалуй, безошибочно сравнить то, что дѣлается изъ копытъ; эти пластинки они просверливаютъ, сшиваютъ лошадиными и бычьими жилами и употребляютъ въ качествѣ панцырей, которые ни красотою, ни крѣпостью не уступаютъ эллинскимъ: они выдерживаютъ даже удары, наносимые въ рукопашную» (Павзаній, I. XXI, 5).

Фот. 13. Терракотовая статуетка Варвара въ плащѣ волосистой ткани (Имп. Арх. Ком.).

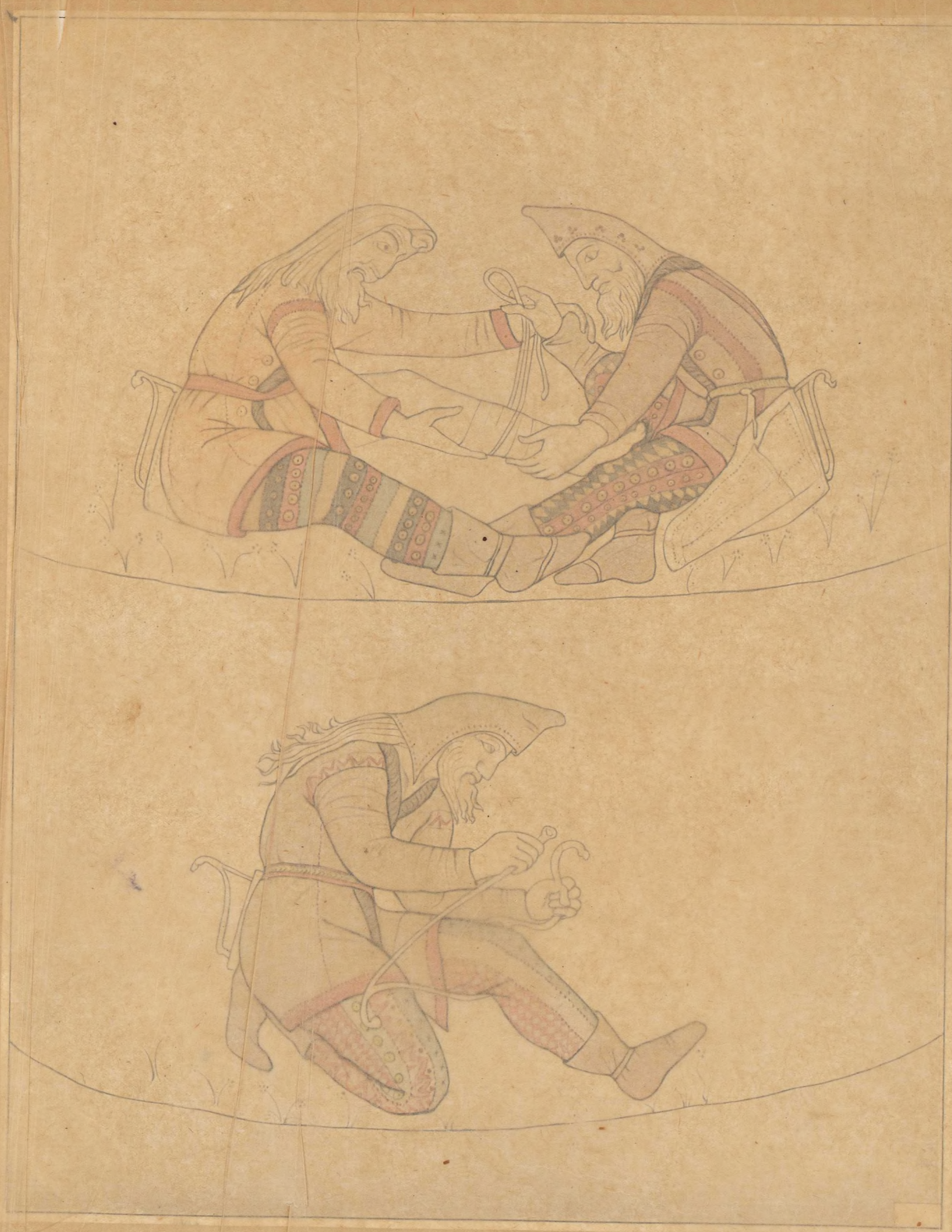
На изображеніи Скиѳа (Таб. I), стоящаго надъ упавшей лошадью, надѣтъ, подъ нагрудными и наспинными латами, панцырь, въ видѣ кожаной безрукавки, плотно облегающей верхнюю часть туловища, причемъ нижняя часть безрукавки расходится вѣеро-

*) Rich. Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines.

III—II в. до Р. Х.

Табл. V. Одежды скиѳо-сарматской эпохи по вазѣ, найденной въ Куль-Обскомъ курганѣ.

15



Таба. VI. Одежды скиво-сарматской эпохи по вазѣ, найденной въ Куль-Обскомъ курганѣ.

III—II в. до Р. Х.

Табл. V. Одежды скиво-сарматской эпохи по вазѣ, найденной въ Куль-Обскомъ кургане.

Табл. VI. Одежды скиѳо-сарматской эпохи по вазѣ, найденной въ Куль-Обскомъ курганѣ.

образно плойчатыми складками, сохраняя, такимъ образомъ, свободу движеній. Оборка эта является замѣняющей тѣ лопасти сыромятной кожи, которыя прикрѣплялись къ греческимъ нагруднымъ и наспиннымъ латамъ для защиты живота. Нѣчто въ родѣ подобной, но двурядной оборки можно предполагать на изображеніи Сармата ритона Кубанской области, нагрудная часть панцыря котораго, къ сожалѣнію, утрачена. Такія безрукавки служили подлатниками, уменьшая давленіе латъ на тѣло. Въ болѣе упрощенный панцырь-безрукавку одѣтъ третій воинъ.

Кожа, служившая для изготовленія этихъ панцырей, могла быть кожей таранда, о которомъ Плиній разсказываетъ, что «толщина ея была такова, что изъ нея дѣлались панцыри». «Величина (скиѳскаго) таранда—какъ быка,—говоритъ онъ,—голова больше головы оленя и сходна съ ней; рога вѣтвисты, копыта двойныя, шерсть длиною съ медвѣжью» (VIII, 52).

Фот. 14. Шлемъ. (Имп. Эрмитажъ).

Шлемы на всѣхъ трехъ воинахъ въ видѣ боевого колпака (катаитиксъ), нагрудныя-наспинныя латы греческаго происхожденія; шлемы схожи съ тѣми, которые дали намъ раскопки скиѳскихъ кургановъ (Фот. 14).

Оборонительное вооруженіе довершали поножи—кнемиды и щиты. Кнемиды бывали большей частью бронзовыя. Такія именно кнемиды были найдены на остовѣ воина Чертомлыцкаго кургана, по формѣ тождественныя съ кнемидами на изображеніи коннаго Скиѳа золотого гребня кургана Солоха. Щиты обыкновенно обивались кожей или металломъ. О формѣ ихъ мы можемъ судить по ряду прилагаемыхъ таблицъ. Заслуживаетъ вниманія лунообразный щитъ въ рукахъ Скиѳа, стоящаго надъ упавшею лошадью (Табл. I). Онъ былъ извѣстенъ у древнихъ подъ названіемъ «pelta lunata», изготовлялся изъ тросника, переложеннаго кожей и вдѣланнаго въ металлическую раму. Воинъ держалъ этотъ щитъ передъ собой на уровнѣ глазъ, слѣдя за противникомъ изъ за серповиднаго выема. Щитъ такого рода былъ мало-азіатскаго происхожденія (Фригійцы, Лидійцы) и составлялъ, по изображеніямъ древнихъ, неотъемлемую часть вооруженія Амазонокъ.

Наступательное вооруженіе.

Лукъ Скиѳовъ и Сарматовъ обращалъ на себя вниманіе древнихъ писателей, которые сравнивали его съ очертаніями береговъ Чернаго моря. Наиболѣе подробное описаніе о немъ даетъ Амміанъ Марцеллинъ: «Въ то время какъ луки всѣхъ народовъ сгибаются изъ гнущихся древковъ, луки скиѳскіе или пареянскіе, выгнутые съ обѣихъ сторонъ широкими и глубокими внутрь рогами, имѣютъ видъ луны во время ущерба, а середину ихъ раздѣляетъ прямой и круглый брусокъ» (XXII, 8—37).

Стрѣлы имѣли бронзовые, желѣзные и костяные наконечники и направляющее перо, какъ объ этомъ можно судить по стрѣлѣ въ рукахъ Варвара, изображеннаго на рѣзномъ перстнѣ работы Аѳинада (Табл. I). Лукъ и стрѣлы хранились въ кожаныхъ или деревянныхъ колчанахъ—горитахъ или коритахъ, которые расписывались или украшались золотыми обивками. По дошедшимъ до насъ давленымъ золотымъ обивкамъ колчановъ, останавливающимъ наше вниманіе сложной композиціей изображенныхъ на нихъ сценъ, совершенствомъ ихъ выполненія (вродѣ изображенной на таблицѣ

обивки съ налучья, найденной въ курганѣ Солоха, реставрированной М. В. Фармаковскимъ, или золотой обивки Чертомлыцкаго кургана), мы можемъ судить о томъ стараніи и заботѣ, которыя прилагались къ украшенію этой любимой части вооруженія (Фот. 1, 15).

Гориты являлись чехломъ одновременно для лука и стрѣлъ (Куль-Обская ваза). Сверху коробки, включавшей въ себѣ лукъ, помѣщалось отдѣленіе для стрѣлъ, острія которыхъ закрывались соотвѣтствующей крышкой, оставлявшей открытой нѣкоторую часть стрѣлы *) (Рис. 16). Носили колчанъ у лѣваго бедра, прикрѣпленнымъ къ поясу.

Короткій обоюдоострый мечъ (акинакъ) носили, какъ и Персы, съ правой стороны, въ ножнахъ, украшеніе которыхъ, подобно налучьямъ, составляло предметъ особыхъ заботъ (Фот. 17). Своеобразной особенностью представляется треугольный или иной

Фот. 15. Золотая обивка съ налучья Чертомлыцкаго кургана.

формы выступъ у отверстія ножны, посредствомъ котораго мечъ прикрѣпляется къ поясу. Такія золотыя ножны были найдены въ Куль-Обскомъ и Чертомлыцкомъ курганахъ. Изображеніе на послѣднихъ боя Грековъ съ Варварами послужило матеріаломъ для разработки варварскихъ одеждъ, изображенныхъ на прилагаемой таблицѣ (XV).

О способѣ прикрѣпленія меча посредствомъ выступа къ поясу можно судить по изображенію Скиѳа, стоящаго надъ упавшей лошадью, на золотомъ гребнѣ кургана Солоха. Болѣе же подробный способъ прикрѣпленія меча виденъ на прориси Накшъ-и-Рустемскихъ рельефовъ (Рис. 2).

Мечъ у Скиѳовъ обожествлялся, служа кумиромъ Арея. Жертвоприношенія ему, какъ повѣствуетъ Геродотъ, совершались слѣдующимъ образомъ.

«Въ каждой области, по околоткамъ, святилища Арея построены у нихъ такимъ образомъ: связки хвороста накладываются одна на другую на пространствѣ 3-хъ стадій въ длину и ширину, а въ вышину нѣсколько меньше; на верху устраивается четыреугольная площадка; три стороны кургана дѣлаются отвѣсными, а съ одной есть доступъ. Ежегодно привозятъ

*) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ.

III—II в. до Р. Х.

Табл. VII. Одежда скиѳо-сарматской эпохи по золотой нашивной бляшкѣ, найденной въ Куль-Обскомъ курганѣ.

полтораста возовъ хвороста, потому что отъ непогоды это сооруженіе постоянно осѣдаетъ. На каждомъ такомъ курганѣ водруженъ старинный желѣзный мечъ, и онъ-то служитъ кумиромъ Арея. Этому мечу они ежегодно приносятъ въ жертву рогатый скотъ и лошадей. Помимо такихъ жертвоприношеній, которыя совершаются и прочимъ божествамъ, они въ честь Арея приносятъ еще слѣдующія: изъ числа плѣнныхъ враговъ приносятъ ему каждаго сотаго мужчину, но не тѣмъ же способомъ, какъ скотъ, а инымъ: совершивъ возліяніе надъ головами жертвъ виномъ, они рѣжутъ ихъ надъ сосудомъ, затѣмъ несутъ кровь на вершину кучи хвороста и обливаютъ ею мечъ; на верхъ они относятъ кровь; а внизу у святилища совершаютъ слѣдующее: отрубивъ у всѣхъ убитыхъ людей правыя плечи съ руками, бросаютъ ихъ въ воздухъ, затѣмъ, совершивъ другія жертвоприношенія, удаляются; каждая рука остается тамъ, гдѣ упадетъ, туловище лежитъ отдѣльно» (Геродотъ, IV, 62).

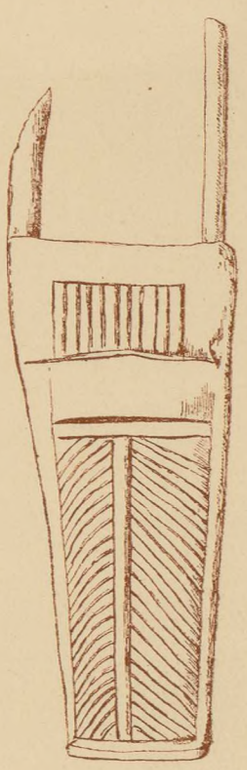


Рис. 16. Деревянный остовъ колчана (Имп. Эрмитажъ).

Цѣлый рядъ изображеній и сказаній древнихъ писателей указываетъ на то, что Скиѳы были еще вооружены сѣкирами (Фот. 17).

Но *обоюдоострыя* сѣкиры, извѣстныя у Ѳракійцевъ, Лидійцевъ и другихъ мало-азійскихъ народовъ, въ качествѣ эмблемы царской власти (представленіе о которыхъ мы имѣемъ на персидскомъ цилиндрѣ, изображающемъ битву Персовъ съ Саками), не дошли до насъ ни въ изображеніяхъ, ни по раскопкамъ.

20 Рукоять меча изъ Чертомлыцкаго кургана.

Въ Чертомлыцкомъ курганѣ, разрытомъ И. Е. Забѣлинымъ, въ юго-западномъ наугольномъ подземельѣ, подлѣ остова воина были найдены желѣзное копье и другія металлическія копья съ желѣзными наконечниками, длиною около двухъ метровъ. Болѣе короткіе дротики намъ извѣстны по многимъ изображеніямъ Скиѳо-Сарматовъ.

О длинныхъ копьяхъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія у знаменитаго греческаго историка и полководца Ксенофонта (род. 434 г., ум. около 355 г.) въ описаніи его похода черезъ земли Таоховъ, Халивовъ и Скиѳиновъ: «Халивы носили льняные панцыри, доходившіе до живота, а вмѣсто оперенія, къ панцырямъ были густо прикрѣплены крученые шнурки. Они носили также поножи и шлемы, а у пояса ножъ вродѣ лаконскаго меча; имъ они рѣзали всякаго, кто попадался имъ въ руки, отрѣзывали головы и съ ними шли дальше; когда непріятель могъ ихъ увидѣть, они пѣли и плясали. У нихъ были также копья локтей въ 15 длины съ однимъ остріемъ» (Гл. 7. 12-22). Халивы славились обработкой желѣза и, обитая на сѣверномъ побережьи Малой Азіи (Арменія), очевидно торговали оружіемъ съ сосѣдними сарматскими племенами, такъ какъ у болѣе позднихъ писателей (Амміанъ Марцеллинъ) мы находимъ подробное описаніе особой тактики коннаго боя, названной Сарматской или Аланской, основу которой положило то длинное копье, которое мы встрѣтимъ во II в. по Р. Х. на Пантикапейскихъ фрескахъ.

Фот. 17. Мечи (акинаки), сѣкира (Имп. Эрмитажъ).

III–II в. до Р. Х.

Табл. VIII. Сарматская одежда по изображеніямъ на ритонѣ, найденномъ въ Кубанской области.

Фот. 17. Мечи (акинаки), сѣкира (Имп. Эрмитажъ).

III—II в. до Р. Х.

Табл. VIII. Сарматская одежда по изображеніямъ на ритонѣ, найденномъ въ Кубанской области.

Мужскія украшенія.

Помимо вооруженія, мужскія украшенія состояли изъ: наборныхъ поясовъ, гривенъ, браслетовъ, серегъ и колецъ. Наборные пояса мы видимъ на многихъ изображеніяхъ скиѳо-сарматскихъ памятниковъ, а въ могилахъ на остовахъ вокругъ стана находимъ золотыя, бронзовыя и желѣзныя пластинки съ истлѣвшей на обратной сторонѣ кожей. Къ поясу прикрѣплялись мечъ, лукъ, а—по указанію Геродота—еще и чаши. Слѣдуетъ полагать, что къ поясу прикрѣплялись и другіе необходимые кочевнику предметы: ножи, мусаты, огнива и т. д., судя по обычаю, извѣстному въ быту болѣе позднихъ кочевниковъ. Раскопки дали нѣсколько мусатовъ, оправленныхъ въ золотыя рукоятки. Если добавить еще, что въ скиѳо-сарматскихъ одеждахъ неизвѣстны карманы или какіе-либо мѣшки, весьма вѣроятнымъ представляется, что эти необходимые спутники охотничьей кочевой жизни привѣшивались къ поясамъ.

Гривна—золотое или бронзовое кольцеобразное нашейное украшеніе, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ перевитыхъ стержней, заканчивающихся фигурными изображеніями,—была передне-азіатскаго происхожденія (Фот. 18).

Браслеты носились часто на обѣихъ рукахъ; помимо украшенія, они, по всей вѣроятности, представляли защиту для руки отъ удара тетивы при стрѣльбѣ изъ лука, такъ какъ Скиѳы пользовались лукомъ поперемѣнно обѣими руками. Пріемъ этотъ описываетъ Платонъ: «Обычай Скиѳовъ—не только отдалять отъ себя лукъ, держа его лѣвой рукой и притягивать къ себѣ стрѣлу правой рукой, но одинаково пользоваться обѣими руками для того и другого» (Законы, 794).

Фот. 18. Золотая гривна Куль-Обскаго кургана.

23

Женская одежда.

Насколько сравнительно полныя свѣдѣнія мы имѣли въ изображеніяхъ скиѳо-сарматской эпохи о мужской одеждѣ, настолько ограниченными были до сего времени данныя, опредѣлявшія женскую одежду. Расположеніе украшеній на остовѣ, найденномъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, близъ Никополя, золотая бляшка, съ изображеніемъ сидящей женщины, той же могилы, золотая треугольная пластина съ головного убора кургана Карагодеуашхъ,—едва ли не всѣ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы строили догадки о женской одеждѣ. Только найденная въ 1914 г. проф. Н. И. Веселовскимъ золотая бляшка съ изображеніемъ сидящей женщины, общая по композиціи съ однородными бляшками, найденными въ Чертомлыцкомъ, Куль-Обскомъ и другихъ курганахъ, но отличающаяся отъ нихъ болѣе подробной тщательной выработкой, подтвердила въ ясной и опредѣленной формѣ тѣ предположенія, которыя могли быть у насъ о скиѳо-сарматской женской одеждѣ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыя въ высшей степени значительныя для насъ детали.

Прежде чѣмъ придти къ общему выводу о женской скиѳо-сарматской одеждѣ, къ сужденію о ней по недостаточнымъ или неясно выраженнымъ даннымъ, необходимо обстоятельно разобраться въ томъ скудномъ матеріалѣ, который мы имѣемъ по данному вопросу.

Въ тѣхъ случаяхъ, подобно настоящему, когда мы имѣемъ дѣло съ небольшими изображеніями, существенную помощь въ изученіи ихъ можетъ оказать намъ снятая съ нихъ, а затѣмъ увеличенная въ нѣсколько разъ фотографія. Современная фотогра-

фическая техника въ состояніи выявить такимъ путемъ едва замѣтныя детали: придавая неяснымъ или спорнымъ чертамъ болѣе опредѣленныя формы и раскрывая всѣ мелочи фактуры изслѣдуемаго изображенія, она даетъ возможность судить о намѣреніяхъ его творца. Снятыя съ подобныхъ увеличеній прориси, съ окрашенными отдѣльными частями одеждъ (таковыми прорисями являются помѣщаемыя таблицы), способствуютъ наиболѣе точному представленію объ изучаемомъ предметѣ.

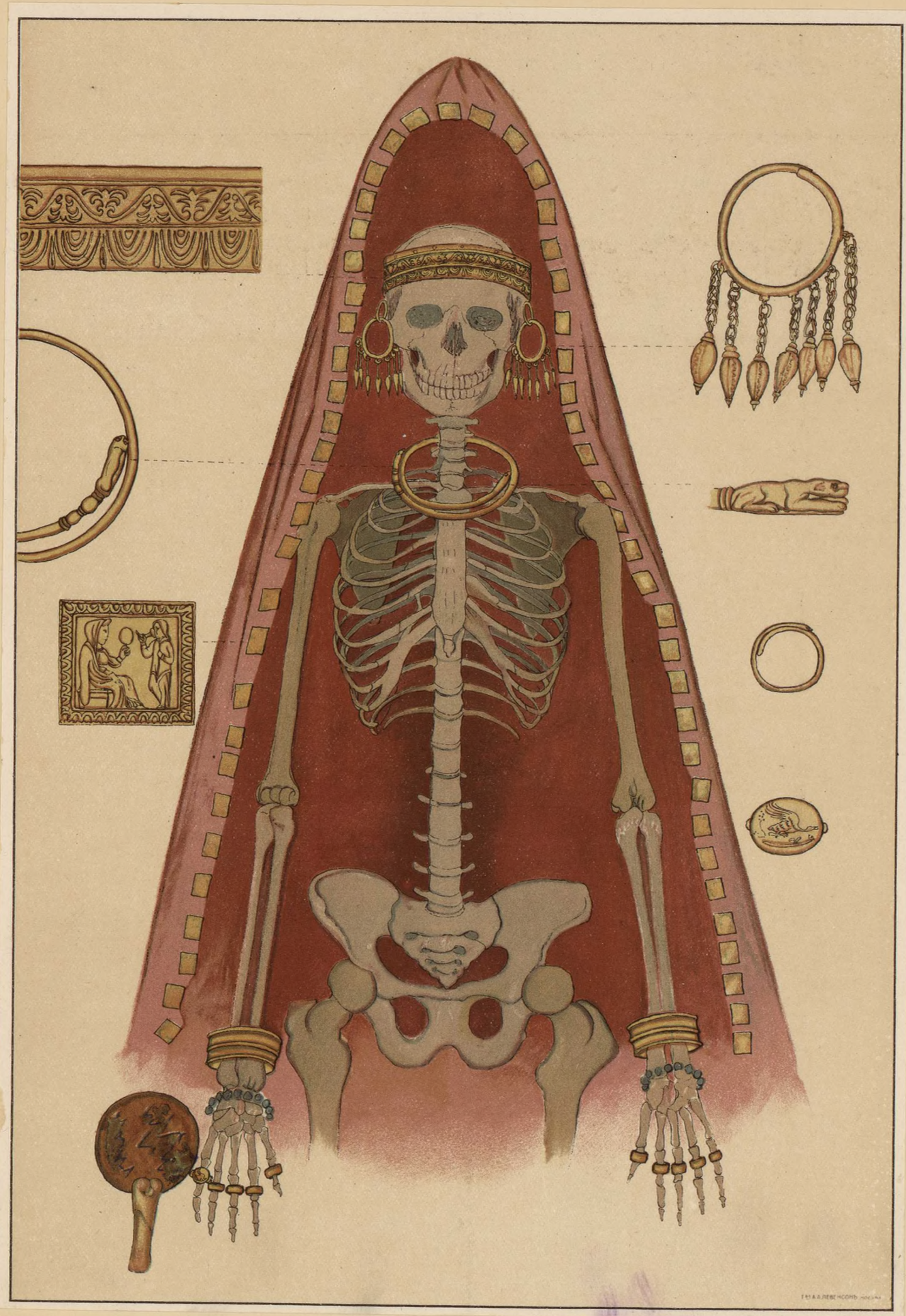
Діадема, найденная на шлемѣ Келермесской станицы.

Къ вышеприведеннымъ даннымъ, на основаніи которыхъ мы можемъ судить о женскомъ скиѳо-сарматскомъ нарядѣ, можно прибавить три изображенія крылатой богини изъ кургана Луговая Могила и золотую нашивную бляшку Мордвиновскаго кургана, однородную по композиціи съ бляшками Чертомлыцкаго и другихъ кургановъ, съ изображеніемъ на ней сидящей женщины (Фот. 19).

Табл. № IX. Таблица № IX даетъ расположеніе украшеній, найденныхъ И. Е. Забѣлинымъ, на остовѣ женщины въ Чертомлыцкомъ курганѣ, близъ Никополя, Екатеринославской губерніи. Уборъ на остовѣ былъ слѣдующій: на шеѣ—золотой массивный гладкій обручъ, около 400 граммъ вѣсомъ, съ изображеніемъ по концамъ львовъ; въ ушахъ двѣ серьги, состоящія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждая; на лбу золотая чеканная травами пластинка (вѣнчикъ) съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ, сходная съ подобными же уборами, найденными въ двухъ другихъ подземельяхъ. Около головы и всего остова лежали рядомъ 57 четыреугольныхъ бляшекъ, съ изображеніемъ прямо сидящей женщины, повидимому съ зеркаломъ въ рукѣ, и стоящаго справа отъ нея мальчика, пьющаго изъ ритона. Рядъ или нитка этихъ бляшекъ лежала на 35 сантиметровъ выше черепа, огибала его треугольникомъ съ закругленной вершиной и опускалась къ плечамъ, доходя до кистей рукъ. Безъ сомнѣнія, бляшки служили каймой какого-либо покрова, такъ какъ съ исподней стороны на нихъ еще были замѣтны остатки весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ головномъ уборѣ сидящей женщины, изображенной на Карагодеуашхской пластинѣ. Ея головной уборъ состоитъ изъ конусообразнаго клобука съ накинутымъ на него покрываломъ. На кистяхъ рукъ (остова) были широкіе гладкіе золотые браслеты, ниже ихъ стеклянныя бусы, на всѣхъ пальцахъ—золотые перстни, на девяти гладкіе, а на одномъ правомъ мизинцѣ—съ изображеніемъ летящей степной птицы, въ видѣ драхвы. Справа подлѣ руки лежало бронзовое зеркало съ костяной рукоятью и съ остатками голубой ткани, отпечатанными на немъ.

Фот. 19. Золотая нашивная бляшка Мордвиновскаго кургана.

Табл. № X. Изображенная на фот. № 20 треугольная золотая пластинка, которая украшала головной уборъ похороненной царицы, была найдена г. Фелицынымъ, въ 1887 г., въ курганѣ Карагодеуашхъ, находящемся въ нижнемъ теченіи Кубани. Нахожденіе этой пластинки на берегахъ Кубани, гдѣ жили Сарматы, имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ оно является доказательствомъ полной тождественности скиѳской и сарматской одежды. Первоначально эта пластинка, по всей вѣроятности, не предназначалась для головного убора, о чемъ можно судить по разрѣзаннымъ боковымъ фигурамъ и острымъ краямъ



26

Табл. IX. Расположеніе украшеній на женскомъ остовѣ, найденномъ въ могилѣ Чертомлыцкаго кургана.
Возстановленіе головного покрывала по расположенію окаймляющихъ его бляшекъ.

III—II в. до Р. Х.

Табл. X. Сарматскія одежды по прориси съ $3^1/_2$—кратнаго увеличенія фотографіи съ части нашивной пластинки головного убора кургана Карагодеуашхъ.

27

пластинки. Судя по концентрическому расположенію поясовъ, отдѣляющихъ ряды изображенныхъ сценъ, она являлась частью золотой набивки круглой формы.

Нижняя часть пластинки представляетъ сидящую женщину, принимающую ритонъ отъ сидящаго подлѣ нея юноши. На головѣ ея надѣтъ высокій конусообразный клобукъ, имѣющій спереди треугольной формы украшеніе. Это украшеніе напоминаетъ своей формой и назначеніемъ самую пластинку, о которой идетъ рѣчь. Поверхъ клобука наброшено ниспадающее на спину покрывало. Нижняя одежда имѣетъ видъ широкой охваченной поясомъ рубашки, съ широкими собранными вздержкой у запястья рукавами. Поверхъ нея накинута длинная широкая одежда съ длинными рукавами (персидская candys *). Въ такую же одежду, но «въ рукава» одѣта справа отъ нея стоящая фигура, держащая круглый сосудъ (арибаллъ). Эта фигура представляется довольно загадочной. Непокрытая, съ ниспадающими, по сарматскому обычаю, до плечъ волосами, голова напоминаетъ голову женоподобнаго юноши; но длиннополая его одежда не отвѣчаетъ тому понятію, которое мы имѣемъ о мужской одеждѣ, по ряду скиѳо-сарматскихъ изображеній, тѣмъ болѣе, что на той же пластинкѣ юноша, держащій ритонъ, одѣтъ въ характерный скиѳскій нарядъ. Удачное объясненіе этой странности даетъ проф. М. И. Ростовцевъ, предполагая въ этой фигурѣ энарея. Объ энареяхъ упоминаютъ Геродотъ и Гиппократъ, замѣчая, что между Скиѳами встрѣчается много евнуховъ: «они носили женское платье и вмѣстѣ съ женщинами занимались женскими работами; назывались такіе мужчины энареями». Ихъ чтили и поклонялись имъ, считая ихъ подъ покровительствомъ божества **).

Фот. 21. Золотая нашивная бляшка Чертомлыцкаго и Куль-Обскаго кургановъ.

Характерной особенностью фигуръ, стоящихъ сзади, являются башлыки или митры: на одной фигурѣ концы башлыка небрежно завязаны на груди, на другой закинуты, по всей вѣроятности, назадъ. Такой же башлыкъ накинутъ на голову фигуры, подносящей ритонъ; одна лопасть башлыка, образуя складки, лежитъ на плечѣ, другая свободно ниспадаетъ на спину.

Фот. 20. Золотая пластина съ головного убора кургана Карагодеуашхъ.

Табл. № XIII. Матеріаломъ для разработки одеждъ послужили найденныя въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близъ селенія Александрополь, въ курганѣ «Луговая Могила», изображенія крылатой богини: два изъ листового золота, третье бронзовое, въ видѣ литой пластинки, придѣланное къ втулкѣ для древка. Первое и второе изображенія даютъ намъ представленіе о крылатой богинѣ, покровительницѣ животныхъ, символомъ чего являются два оленя, расположенные по обѣ стороны богини, которыхъ она держитъ за рога.

---

*) См. Pauly-Wissowa Real Encyclop.

**) См. Латышевъ. „Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ". Гиппократъ. 29.

Нарядъ перваго изображенія богини состоитъ изъ верхней одежды, въ видѣ короткаго заходящаго за колѣна узкорукавнаго кафтана, открывающаго сапоги. Нарядъ этотъ невольно наводитъ на мысль о сопоставленіи одежды богини, представленной въ видѣ Артемиды-охотницы, съ обычаемъ, существовавшимъ у женщинъ нѣкоторыхъ сарматскихъ племенъ, которыя, раздѣляя съ мужьями труды войны и охоты, надѣвали соотвѣтственно съ этими занятіями мужскую одежду.

Второе изображеніе представляетъ намъ богиню, одѣтую въ еще болѣе короткую, охваченную поясомъ, верхнюю одежду, подъ которою видна другая, нижняя одежда, украшенная узорами, передающими очертанія травъ или елочки.

Фот. 22. Пятикратное увеличеніе золотой нашивной бляшки села Верхній Рогачикъ (при освѣщеніи слѣва).

30

Изображеніе третьей богини передаетъ узкорукавный кафтанъ; излишняя длина рукава отворочена у запястьевъ. О длинѣ этого кафтана слѣдовало бы судить по первому изображенію богини. Головнымъ уборомъ богини служитъ митра или башлыкъ, которымъ плотно закутано лицо, укрѣпленный на головѣ лентой, идущей вдоль лба.

Бляшки четыреугольной формы, съ изображеніемъ сидящей женщины, держащей въ рукѣ круглое зеркало, и стоящаго передъ ней юноши, пьющаго изъ ритона, попадаются во многихъ скиѳскихъ могилахъ, иногда совершенно тождественныя, снятыя съ одного штампа. Постоянство сюжета, распространенность такихъ бляшекъ и то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ не утратили даже первоначальнаго мата, что заставляетъ предполагать объ изготовленіи ихъ передъ самымъ погребеніемъ, наводятъ на мысль, что бляшки эти должны были имѣть священное, охраняющее значеніе (Фот. 21).

Табл. № XI. Воспроизводитъ бляшку съ головного покрова женскаго остова Чертомлыцкаго кургана, разрытаго И. Е. Забѣлинымъ. На голову изображенной женщины

наброшено покрывало, концы котораго исчезаютъ подъ верхней одеждой. Изъ подъ него выступаетъ головной уборъ, начельное украшеніе котораго возвышается надъ лбомъ, на подобіе русскаго кокошника. Нижняя одежда—широкая, охваченная поясомъ рубашка, собранная складками вокругъ шеи и у запястьевъ. Поверхъ рубашки накинута длиннополая, широкая одежда, снабженная длинными рукавами (candys). Обувь не отличается отъ мужской.

Табл. № XII. Воспроизводитъ бляшку, найденную проф. Н. И. Веселовскимъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, въ сел. Верхній Рогачикъ, въ 1914 году. Возможностью детально разобрать эту бляшку я всецѣло обязанъ любезности Н. И. Веселовскаго, предоставившаго ее въ мое распоряженіе. Снятая съ нея и затѣмъ увеличенная

Фот. 22. Пятикратное увеличеніе золотой нашивной бляшки села Верхній Рогачикъ (при освѣщеніи справа).

фотографія явила уже драгоцѣнныя подробности, но въ виду того, что металлическая сильно выпуклая поверхность пластинки давала нежелательные отблески, деформирующіе контуры, представилась необходимость въ болѣе ясномъ снимкѣ, который можно было получить только съ гипсоваго слѣпка. Такъ какъ внутренняя сторона бляшки отчетливѣе сохранила слѣды оттиснувшаго ее штампа, то слѣпокъ былъ сдѣланъ съ этой внутренней стороны. Для наибольшаго выявленія рельефа, гипсовый слѣпокъ при фотографированіи былъ подвергнутъ дѣйствію бокового свѣта, къ которому была обращена поочередно каждая сторона бляшки, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность судить и о линіяхъ, которыя могли бы совпадать съ направленіемъ свѣта и быть вслѣдствіе этого мало замѣтными (Фот. 22).

Если И. Е. Забѣлинъ, описывая найденную имъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ однородную бляшку, имѣлъ полное основаніе утверждать, что «головной уборъ вродѣ обыкновеннаго русскаго кокошника, нижняя одежда похожа на русскую женскую сорочку,

Нарядъ перваго изображенія богини состоитъ изъ верхней одежды, въ видѣ короткаго заходящаго за колѣна узкорукавнаго кафтана, открывающаго сапоги. Нарядъ этотъ невольно наводитъ на мысль о сопоставленіи одежды богини, представленной въ видѣ Артемиды-охотницы, съ обычаемъ, существовавшимъ у женщинъ нѣкоторыхъ сарматскихъ племенъ, которыя, раздѣляя съ мужьями труды войны и охоты, надѣвали соотвѣтственно съ этими занятіями мужскую одежду.

Второе изображеніе представляетъ намъ богиню, одѣтую въ еще болѣе короткую, охваченную поясомъ, верхнюю одежду, подъ которою видна другая, нижняя одежда, украшенная узорами, передающими очертанія травъ или елочки.

Фот. 22. Пятикратное увеличеніе золотой нашивной бляшки села Верхній Рогачикъ (при освѣщеніи слѣва).

Изображеніе третьей богини передаетъ узкорукавный кафтанъ; излишняя длина рукава отворочена у запястьевъ. О длинѣ этого кафтана слѣдовало бы судить по первому изображенію богини. Головнымъ уборомъ богини служитъ митра или башлыкъ, которымъ плотно закутано лицо, укрѣпленный на головѣ лентой, идущей вдоль лба.

Бляшки четыреугольной формы, съ изображеніемъ сидящей женщины, держащей въ рукѣ круглое зеркало, и стоящаго передъ ней юноши, пьющаго изъ ритона, попадаются во многихъ скиоскихъ могилахъ, иногда совершенно тождественныя, снятыя съ одного штампа. Постоянство сюжета, распространенность такихъ бляшекъ и то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ не утратили даже первоначальнаго мата, что заставляетъ предполагать объ изготовленіи ихъ передъ самымъ погребеніемъ, наводятъ на мысль, что бляшки эти должны были имѣть священное, охраняющее значеніе (Фот. 21).

Табл. № XI. Воспроизводитъ бляшку съ головного покрова женскаго остова Чертомлыцкаго кургана, разрытаго И. Е. Забѣлинымъ. На голову изображенной женщины

наброшено покрывало, концы котораго исчезаютъ подъ верхней одеждой. Изъ подъ него выступаетъ головной уборъ, начельное украшеніе котораго возвышается надъ лбомъ, на подобіе русскаго кокошника. Нижняя одежда—широкая, охваченная поясомъ рубашка, собранная складками вокругъ шеи и у запястьевъ. Поверхъ рубашки накинута длиннополая, широкая одежда, снабженная длинными рукавами (candys). Обувь не отличается отъ мужской.

Табл. № XII. Воспроизводитъ бляшку, найденную проф. Н. И. Веселовскимъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, въ сел. Верхній Рогачикъ, въ 1914 году. Возможностью детально разобрать эту бляшку я всецѣло обязанъ любезности Н. И. Веселовскаго, предоставившаго ее въ мое распоряженіе. Снятая съ нея и затѣмъ увеличенная

Фот. 22. Пятикратное увеличеніе золотой нашивной бляшки села Верхній Рогачикъ (при освѣщеніи справа).

фотографія явила уже драгоцѣнныя подробности, но въ виду того, что металлическая сильно выпуклая поверхность пластинки давала нежелательные отблески, деформирующіе контуры, представилась необходимость въ болѣе ясномъ снимкѣ, который можно было получить только съ гипсоваго слѣпка. Такъ какъ внутренняя сторона бляшки отчетливѣе сохранила слѣды оттиснувшаго ее штампа, то слѣпокъ былъ сдѣланъ съ этой внутренней стороны. Для наибольшаго выявленія рельефа, гипсовый слѣпокъ при фотографированіи былъ подвергнутъ дѣйствію бокового свѣта, къ которому была обращена поочередно каждая сторона бляшки, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность судить и о линіяхъ, которыя могли бы совпадать съ направленіемъ свѣта и быть вслѣдствіе этого мало замѣтными (Фот. 22).

Если И. Е. Забѣлинъ, описывая найденную имъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ однородную бляшку, имѣлъ полное основаніе утверждать, что «головной уборъ вродѣ обыкновеннаго русскаго кокошника, нижняя одежда похожа на русскую женскую сорочку,

а верхняя—на русскій женскій опашень или тѣлогрѣю и что всѣ эти изображенія во многомъ напоминаютъ русскую старину даже XVII вѣка», то тѣмъ болѣе является поразительной бляшка Н. И. Веселовскаго, возстанавливающая эту старину даже въ мелочахъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ русской однорядкой верхняя одежда. По П. И. Савваитову, «однорядка была верхней широкой, долгополой одеждой безъ воротника, съ длинными рукавами, подъ которыми дѣлались прорѣхи для рукъ; украшалась она кружевомъ, плетешкомъ, нашивками, образцами и золотными строками. Носилась въ рукава и въ накидку». Этому описанію вполнѣ соотвѣтствуетъ верхняя одежда женщины, изображенной на разсматриваемой нами бляшкѣ. Рукава въ плечевой части имѣютъ прорѣзы для продѣванія рукъ. Прорѣзы эти явленіе отнюдь не случайное, ихъ можно видѣть также на бляшкахъ, найденныхъ проф. М. И. Ростовцевымъ и Н. Е. Макаренко въ Мордвиновскомъ курганѣ, Таврической губерніи (Фот. 19). Подъ разрѣзомъ рукавъ въ плечевой части украшенъ нашивкой или вошвой, обычнымъ украшеніемъ русской одежды за все время ея существованія. Нижнюю часть рукава украшаетъ еще нашивка, наводящая на мысль о нашихъ образцахъ *) или аламахъ **). Воротникъ, полы и подолъ этой одежды опушены мѣхомъ. Вдоль мѣховой опушки идетъ полоска, напоминающая столь обычные въ нашихъ русскихъ одеждахъ галуны, плетешки, золотныя строки, также идущія вдоль мѣховыхъ опушекъ.

Рис. 23. Прорись части лѣпного фриза Персепольскаго дворца.

Часть одежды, которая покрываетъ ноги отъ колѣнъ до ступней, раздѣлена двумя косо идущими линіями на три отдѣльныя части по различнымъ направленіямъ; линіи, опредѣляющія направленіе складокъ, даютъ каждой отдѣльной части самостоятельное опредѣленное выраженіе, показывая такимъ образомъ, что мы имѣемъ здѣсь три разнородныя части одеждъ. Верхняя и нижняя части не возбуждаютъ сомнѣній: онѣ достаточно объясняются соотвѣтствующими частями однородныхъ бляшекъ. Нижняя—изображаетъ подолъ сорочки, верхняя—наброшенную на колѣно полу верхней одежды. Нуждается въ объясненіи лишь средняя часть. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется считать эту часть концомъ длиннаго головного покрывала, спускающагося на колѣна. Любопытной подробностью въ передачѣ этого покрывала является то, что каждая передающая складки линія разбивается о небольшую четыреугольную выпуклость. Отнюдь не настаивая на такомъ объясненіи, я все же вижу въ этой передачѣ желаніе художника изобразить переломъ мягкой складки покрывала металлической пластинкой, нашитой на покрывало. Такое объясненіе не нарушаетъ нашего понятія о женскомъ скиѳскомъ нарядѣ, такъ какъ о существованіи такихъ покрывалъ мы можемъ судить по останкамъ остова Чертомлыцкаго кургана, и находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ реализмомъ, который выказалъ художникъ въ передачѣ этой бляшки, заботясь о всѣхъ деталяхъ—въ передачѣ типовъ лица, постановкѣ фигуръ, передачѣ мельчайшихъ деталей одежды.

Женскій нарядъ.

Разобравъ вышеприведенныя данныя, мы можемъ придти къ опредѣленнымъ выводамъ о женскомъ скиѳо-сарматскомъ нарядѣ. Нарядъ этотъ составляли: широкая длиннополая, снабженная длинными рукавами одежда, вмѣстѣ съ другой, укороченной, на подобіе кафтана, служившія верхнимъ одѣяніемъ; охваченная поясомъ широкая рубашка, собранная складками вокругъ шеи или запястьевъ, служившая нижнимъ одѣяніемъ;

---

*) Образцы—круглыя или продолговатыя и разнаго вида фигуры, кованыя, литыя, низаныя или саженыя жемчугомъ; служили украшеніемъ на ферезяхъ, кафтанахъ, однорядкахъ и шапкахъ. Прикрѣплялись къ вороту, на груди, на плечахъ, на боковыхъ прорѣхахъ.

**) Аламы—вырѣзокъ ткани, низаный жемчугомъ съ каменьями.

III—II в. до Р. Х.

Табл. XI. Женская одежда скиро-сарматской эпохи по прориси 6-кратнаго увеличенія фотографіи съ нашивной бляхи Чертомлыцкаго и Куль-Обскаго кургановъ.

а верхняя—на русскій женскій опашень или тѣлогрѣю и что всѣ эти изображенія во многомъ напоминаютъ русскую старину даже XVII вѣка», то тѣмъ болѣе является поразительной бляшка Н. И. Веселовскаго, возстанавливающая эту старину даже въ мелочахъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ русской однорядкой верхняя одежда. По П. И. Савваитову, «однорядка была верхней широкой, долгополой одеждой безъ воротника, съ длинными рукавами, подъ которыми дѣлались прорѣхи для рукъ; украшалась она кружевомъ, плетешкомъ, нашивками, образцами и золотными строками. Носилась въ рукава и въ накидку». Этому описанію вполнѣ соотвѣтствуетъ верхняя одежда женщины, изображенной на разсматриваемой нами бляшкѣ. Рукава въ плечевой части имѣютъ прорѣзы для продѣванія рукъ. Прорѣзы эти явленіе отнюдь не случайное, ихъ можно видѣть также на бляшкахъ, найденныхъ проф. М. И. Ростовцевымъ и Н. Е. Макаренко въ Мордвиновскомъ курганѣ, Таврической губерніи (Фот. 19). Подъ разрѣзомъ рукавъ въ плечевой части украшенъ нашивкой или вошвой, обычнымъ украшеніемъ русской одежды за все время ея существованія. Нижнюю часть рукава украшаетъ еще нашивка, наводящая на мысль о нашихъ образцахъ *) или аламахъ **). Воротникъ, полы и подолъ этой одежды опушены мѣхомъ. Вдоль мѣховой опушки идетъ полоска, напоминающая столь обычные въ нашихъ русскихъ одеждахъ галуны, плетешки, золотныя строки, также идущія вдоль мѣховыхъ опушекъ.

Рис. 23. Прорись части лѣпного фриза Персепольскаго дворца.

Часть одежды, которая покрываетъ ноги отъ колѣнъ до ступней, раздѣлена двумя косо идущими линіями на три отдѣльныя части по различнымъ направленіямъ; линіи, опредѣляющія направленіе складокъ, даютъ каждой отдѣльной части самостоятельное опредѣленное выраженіе, показывая такимъ образомъ, что мы имѣемъ здѣсь три разнородныя части одеждъ. Верхняя и нижняя части не возбуждаютъ сомнѣній: онѣ достаточно объясняются соотвѣтствующими частями однородныхъ бляшекъ. Нижняя—изображаетъ подолъ сорочки, верхняя—наброшенную на колѣно полу верхней одежды. Нуждается въ объясненіи лишь средняя часть. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется считать эту часть концомъ длиннаго головного покрывала, спускающагося на колѣна. Любопытной подробностью въ передачѣ этого покрывала является то, что каждая передающая складки линія разбивается о небольшую четыреугольную выпуклость. Отнюдь не настаивая на такомъ объясненіи, я все же вижу въ этой передачѣ желаніе художника изобразить переломъ мягкой складки покрывала металлической пластинкой, нашитой на покрывало. Такое объясненіе не нарушаетъ нашего понятія о женскомъ скиѳскомъ нарядѣ, такъ какъ о существованіи такихъ покрывалъ мы можемъ судить по останкамъ остова Чертомлыцкаго кургана, и находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ реализмомъ, который выказалъ художникъ въ передачѣ этой бляшки, заботясь о всѣхъ деталяхъ—въ передачѣ типовъ лица, постановкѣ фигуръ, передачѣ мельчайшихъ деталей одежды.

Женскій нарядъ.

Разобравъ вышеприведенныя данныя, мы можемъ придти къ опредѣленнымъ выводамъ о женскомъ скиѳо-сарматскомъ нарядѣ. Нарядъ этотъ составляли: широкая длиннополая, снабженная длинными рукавами одежда, вмѣстѣ съ другой, укороченной, на подобіе кафтана, служившія верхнимъ одѣяніемъ; охваченная поясомъ широкая рубашка, собранная складками вокругъ шеи или запястьевъ, служившая нижнимъ одѣяніемъ;

*) Образцы—круглыя или продолговатыя и разнаго вида фигуры, кованыя, литыя, низаныя или саженыя жемчугомъ; служили украшеніемъ на ферезяхъ, кафтанахъ, однорядкахъ и шапкахъ. Прикрѣплялись къ вороту, на груди, на плечахъ, на боковыхъ прорѣхахъ.

**) Аламы—вырѣзокъ ткани, низаный жемчугомъ съ каменьями.

III—II в. до Р. Х.

Табл. XI. Женская одежда скиѳо-сарматской эпохи по прориси 6-кратнаго увеличенія фотографіи съ нашивной бляшки Чертомлыцкаго и Куль-Обскаго кургановъ.

72

Табл. XII. Женская одежда скиѳо-сарматской эпохи по прориси 6-кратнаго увеличенія фотографіи съ нашивной бляшки села Верхній Рогачикъ.

высокій или низкій головной уборъ, съ накинутымъ поверхъ покрываломъ, или-же башлыкъ.

Верхняя длиннополая съ длинными рукавами одежда знакома намъ по многимъ изображеніямъ ея на древнихъ персидскихъ (Рис. 23) и греческихъ памятникахъ, на саркофагѣ Александра (Фот. 24), помпейской мозаикѣ (битва при Иссѣ) и др. подъ названіемъ—„candys". Она является непосредственнымъ доказательствомъ связи древнихъ обитателей нашей земли съ иранской культурой. Судя по этимъ изображеніямъ, одежда эта носилась накинутой на оба плеча, на подобіе плаща, отъ котораго вѣроятно произошла, и застегивалась на груди аграфомъ или завязками. Иногда одна рука продѣвалась въ соотвѣтствующій рукавъ. Благодаря прорѣзнымъ рукавамъ, о которыхъ упоминалось при разборѣ табл. № XII, одежду эту носили вѣроятно и инымъ способомъ: продѣвая въ прорѣзы руки и оставляя широкіе рукава ниспадающими за спину или подъ руками. Фигура на Карагодеуашхской пластинѣ, держащая круглый сосудъ, показываетъ, что при надѣваніи въ рукава, послѣдніе закрѣплялись у запястья и излишняя длина ихъ располагалась по рукѣ наборными складками.

Фот. 24. Рельефы саркофага Александра Великаго въ Константинополѣ.

Мѣховыя выпушки на изображеніяхъ сидящей женщины, типа Чертомлыцкихъ бляшекъ, показываютъ, что одежда эта подбивалась мѣхомъ и служила теплой одеждой, тогда какъ обшивки, украшающія верхнюю одежду женщины съ ритономъ на Карагодеуашхской пластинѣ, даютъ основаніе предполагать, что эта одежда являлась типомъ холодной одежды. Украшенія этой одежды, судя по изображеніямъ Карагодеуашхской пластинки и бляшки, найденной Н. И. Веселовскимъ, состояли изъ нашивокъ драгоцѣнной ткани, золотыхъ вышивокъ (золотыя нитки, въ видѣ тончайшей проволоки, попадались при раскопкахъ) и золотыхъ давленыхъ украшеній.

Рис. 25. Прорись хеттской стелы изъ Мараша.

Другой типъ верхней одежды можно видѣть на изображеніяхъ крылатой богини Александропольскаго кургана. Первое и третье изображенія богини даютъ понятіе объ узкорукавномъ плотно облегающемъ станъ кафтанѣ, расходящемся отъ пояса частыми складками. Болѣе свободные рукава и станъ на второмъ изображеніи богини даютъ основаніе полагать, что одежда эта являлась второй рубашкой, которая надѣвалась поверхъ первой. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ позднѣйшемъ изображеніи одеждъ на женахъ придунайскихъ Варваровъ Траяновой колонны.

О нижней одеждѣ мы можемъ судить по совокупности изображеній сидящей женщины, типа Чертомлыцкихъ бляшекъ и Карагодеуашхской пластинки. На первыхъ ясно показана собранная на вздержку вокругъ шеи рубашка, охваченная поясомъ, на второй—стянутый оборками вокругъ запястья рукавъ. Очевидно, одежды эти изготовлялись изъ льняныхъ или пеньковыхъ тканей, а болѣе состоятельные люди могли носить ихъ изъ драгоцѣнныхъ тканей, которыми торговали Іонійскія колоніи Черноморскаго побережья.

Башлыки или митры одинаково носи[illegible] какъ мужчинами, такъ и женщинами; своимъ происхожденіемъ, какъ говорилось ранѣе, они обязаны передне-азіатскому Востоку (Фот. 5, 6, 24). Высокій клобукъ, изображеніе котораго мы имѣемъ на Карагодеуашхской пластинкѣ, а реальное свидѣтельство—въ останкѣ остова Чертомлыцкаго кургана и высокомъ головномъ уборѣ, найденномъ на остовѣ дѣвочки М. И. Ростовцевымъ и Н. Е. Макаренко въ Мордвиновскомъ курганѣ, представляетъ поразительное тождество съ головными уборами, представленными на хеттскихъ*) изображеніяхъ сидящей богини также съ зеркаломъ въ рукѣ, подобно изображеннымъ на бляшкахъ типа Чертомлыцкаго кургана. Поверхъ высокаго клобука наброшена длинная фата, край которой своими

Фот. 26. Нашивная бляха изъ Геремесовыхъ кургановъ.

четыреугольными украшеніями наводитъ на мысль объ украшенномъ золотыми бляшками покрывалѣ на остовѣ Чертомлыцкаго кургана (Рис. 25). Обычай женщинъ Востока окутываться фатой находитъ соотвѣтствіе въ обычаѣ греческихъ замужнихъ женщинъ окутываться покрываломъ—καλύπτρα, которое онѣ носили, какъ эмблему стыдливости. Возможно, что обычай этотъ не былъ чуждъ и скиѳо-сарматскимъ женщинамъ.

Украшеніями головныхъ уборовъ служили все тѣ же золотыя давленыя бляшки (Рис. 7), которыя, судя по количеству ихъ, найденному на головахъ остововъ при раскопкахъ, иногда сплошь покрывали головной уборъ. Другимъ видомъ украшенія были болѣе крупныя бляхи, украшавшія начельную часть головного убора, на подобіе остроконечной золотой пластины Карагодеуашхскаго кургана или бляхи Геремесовыхъ кургановъ, своимъ размѣромъ и трапецевидной формой, съ пробитыми по краямъ отверстіями для нашиванія, имѣвшія, очевидно, то же назначеніе (Фот. 26). Бляшки съ изображеніемъ сидящей женщины съ зеркаломъ въ рукѣ тоже показываютъ начельное украшеніе,

*) Хетты или Хеттиты - древнѣйшій народъ Малой Азіи (Каппадокіи) и Сиріи, о которомъ упоминается съ половины XIV в. до Р. Х.; вели долгія войны съ Египтянами. Въ XII в. до Р. Х. царство ихъ распалось и частью подпало подъ власть Ассирійцевъ. Съ VIII в. сохранились ихъ памятники и надписи. По высокоавторитетному мнѣнію проф. М. И. Ростовцева, Скиѳы находились съ Хеттитами въ преемственной культурной связи. Проф. Б. А. Тураевъ. „Исторія Древн. Востока". Т. I. Изд. второе. Стр. 322.

IV—III в. до Р. Х.

Табл. XIII. Женскія одежды скиѳо-сарматской эпохи по прориси съ увеличенной фотографіи изображеній крылатой богини Александропольскаго кургана.

76

возвышающееся надъ лбомъ, на подобіе кокошника. Удивительное соотвѣтствіе съ нашими позднѣйшими кокошниками представляетъ подковообразное головное убранство на бляшкѣ, найденной въ сел. Волковицы, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи (Фот. 27, изъ собранія Б. И. и В. И. Ханенко). Другую разновидность начельнаго украшенія головного убора представляли найденные на головахъ остововъ Чертомлыцкаго и другихъ кургановъ вѣнчики въ видѣ золотой ленты, съ травчатыми или иными узорами, съ отверстіями

Фот. 29. Височная серьга изъ Куль-Обскаго кургана. Привѣски. Серьги (Имп. Эрм.).

въ верхнемъ и въ боковыхъ краяхъ для нашиванія (Рис. 8). Къ виду такихъ же украшеній могутъ быть отнесены діадемы съ привѣшенными къ нимъ на крючкахъ репейками (Рис. 28). Къ вѣнчикамъ прикрѣплялись височныя украшенія, въ видѣ колецъ или розетокъ съ привѣсками, закрывавшими уши; вѣроятно, ихъ происхожденіе объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя серьги, вслѣдствіе ихъ размѣра и тяжести, не могли носиться въ ушахъ. Привѣски изъ Куль-Обскаго кургана, съ изображеніемъ головы Аѳины, показываютъ петлю для прикрѣпленія (Фот. 29).

Серьги были самыхъ разнообразныхъ формъ, извѣстныхъ въ древнемъ искусствѣ: въ видѣ простого кольца, или кольца съ утолщеніемъ, съ лѣпнымъ изображеніемъ на немъ геніевъ, звѣрей, птицъ, кольца съ подвѣсками въ видѣ розетокъ, репейниковъ, гроздей винограда, пирамидокъ съ зернью, въ видѣ лунницы и т. д. (Рис. 28, фот. 29).

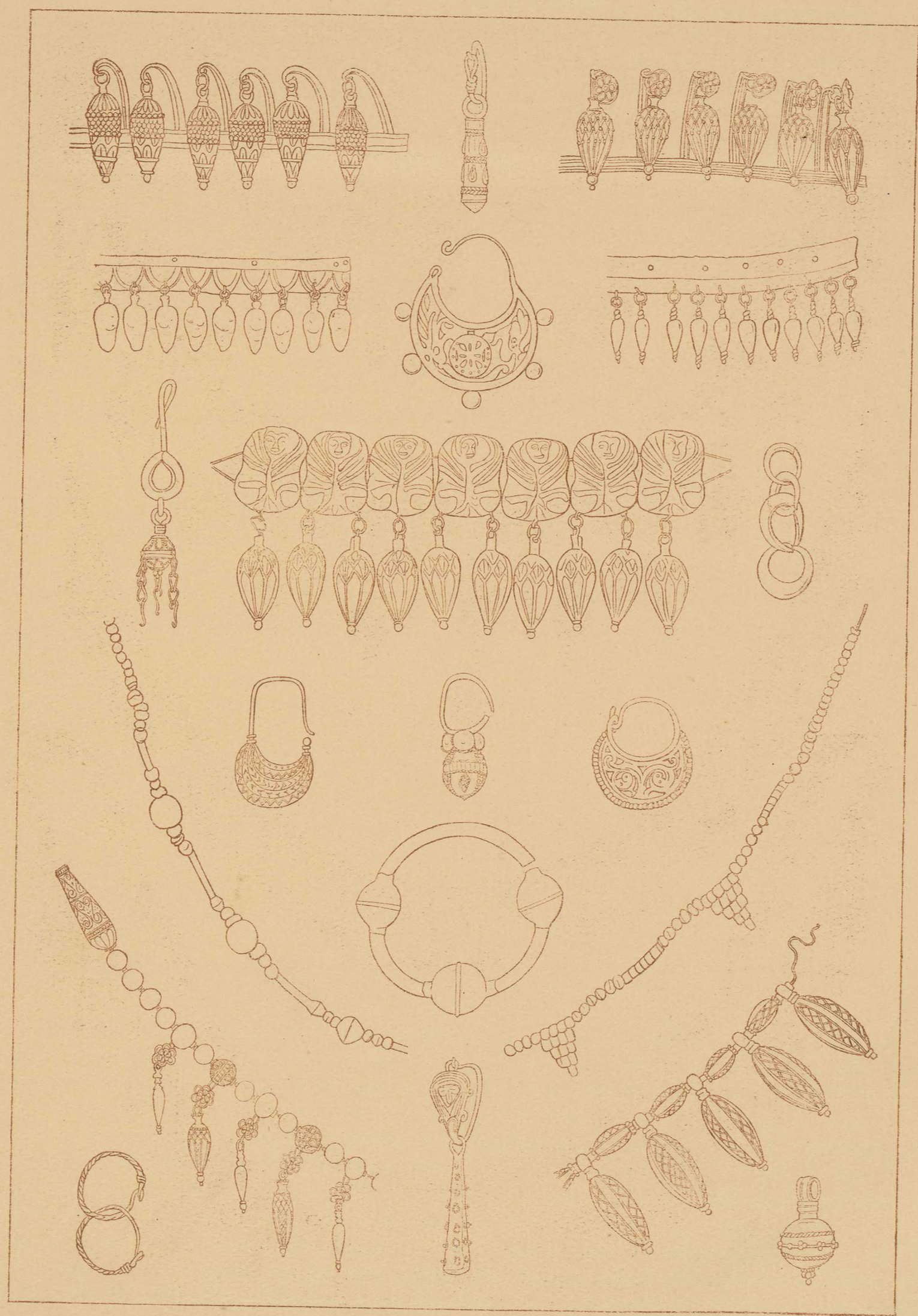


Рис. 28. Типы украшеній, найденныхъ въ скиѳскихъ курганахъ: вѣнчики, серьги, ожерелья.

Фот. 30. Ожерелья, найденныя въ скиѳскихъ курганахъ (Имп. Эрмитажъ).

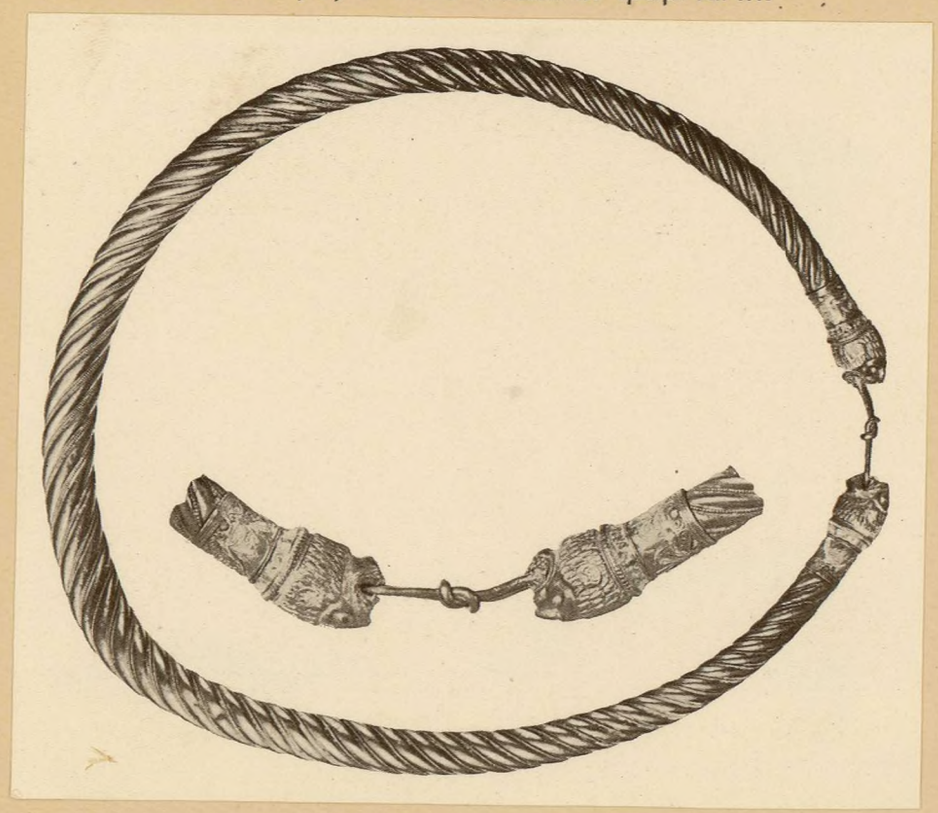
Нашейнымъ украшеніемъ служили гривны, подобныя мужскимъ, и ожерелья изъ тончайшихъ цѣпочекъ, на подобіе тесьмы, украшенныя привѣсками въ видѣ репейника. Болѣе простымъ видомъ украшенія являлись золотыя трубочки, цвѣтныя стеклянныя, костяныя и иныя бусы съ охранительными амулетами, нанизаннныя на нить (Рис. 28, фот. 30).

Браслеты бывали въ видѣ плоскихъ обручей, иногда спиралеобразные, или, подобно гривнамъ, изъ перекрученнаго или круглаго стержня, съ фигурными изображеніями по концамъ (Фот. 31), и въ видѣ нанизанныхъ на нитку костяныхъ или стеклянныхъ бусъ.

Фот. 27. Бляшка села Волковицы. Изъ собранія Б. И. и В. И. Ханенко (трехкратное увеличеніе).

Къ предметамъ украшеній должны быть отнесены наборные пояса изъ золотыхъ или бронзовыхъ трубочекъ или пластинокъ.

Въ заключеніе обзора наряда древнѣйшихъ обитателей нашей земли и исторіи ихъ одежды, необходимо упомянуть объ условныхъ изображеніяхъ Варваровъ греческими художниками. Они ихъ представляли одѣтыми въ мало-азійскія одежды, обыкновенно двухъ народностей—Фригійцевъ и Лидійцевъ, какъ самыхъ значительныхъ среди мало-азійскихъ племенъ, по той причинѣ, что греческіе колонисты, жившіе въ Тавридѣ, носили одежды мало-азійскаго образца. Поражающая насъ техническая и художественная передача многихъ этихъ изображеній болѣе способна объяснить намъ или вѣрнѣе обрисовать нѣкоторые однородные съ скиѳо-сарматскими наряды. Кромѣ того, нѣкоторыя изображенія наряда Варваровъ имѣютъ для насъ значеніе, какъ извѣстный элементъ, съ которымъ намъ придется встрѣчаться въ болѣе позднихъ изображеніяхъ уже какъ съ совершенно опредѣлившимся явленіемъ, указывающимъ на нѣкоторое внѣдреніе греко-азіатской культуры, обогатившей скиѳское убранство новыми формами.



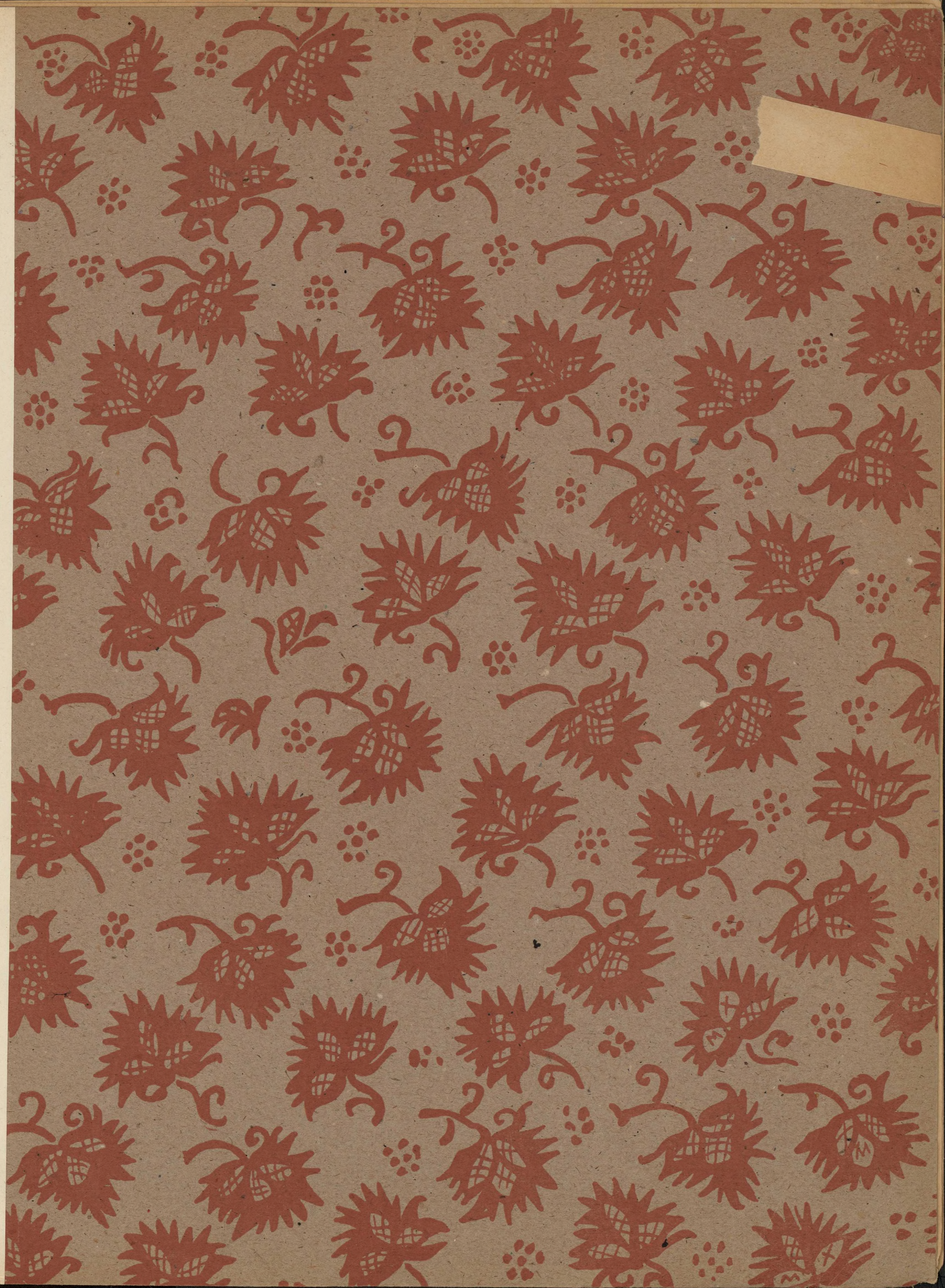
Фот. 31. Золотая гривна Куль-Обскаго кургана.

IV в. до Р. Х.

Табл. XIV. Варварскій нарядъ по прориси 7-кратнаго увеличенія фотографіи съ рѣзного перстня работы Аѳинада, изъ женской гробницы на Митридатовой горѣ, близь Керчи.

Табл. XV. Условные варварскіе наряды по давленнымъ изображеніямъ золотой обивки на ножнахъ меча, найденнаго въ Чертомлыцкомъ курганѣ.

42



52

2007057999